ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 50 15 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА № 50

ПОЛИЦЕЙСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ.

Когда разразился еврейский погром в Кишиневе[1], мы тотчас же обратили внимание наших читателей на ту гнусную роль сообщника и подстрекателя, которую играло в нем царское правительство. Мы назвали «народные» движения этого рода последней картой царизма, видящего себя в крайне затруднительном положении и пытающегося задержать развитие классового самосознания российского пролетариата для того, чтобы отсрочить свою гибель. Это утверждение сначала показалось кое-кому несколько рискованным. Некоторые читатели заподозрили нас в преувеличении. Но прошло очень немного времени, и то, что представлялось невероятным, оказалось несомненным. Теперь вряд ли найдется в цивилизованном мире хоть один человек, который не знал бы, что кровь кишиневских евреев пролилась по воле г. Плеве и его ближайших сотрудников. Теперь всем известно, что насилия, грабежи и убийства возведены у нас в политическую систему и что правительство считает применение этой системы необходимым для «охранения государственного спокойствия». И теперь российским обывателям, не могущим помириться с этой позорной системой, остается лишь внимательно следить за ее проявлениями и бороться с нею всеми теми средствами, которые находятся в их распоряжении.

А ее проявления чрезвычайно многозначительны и красноречивы. Возьмите хоть недавний погром в Гомеле[2]. Его главной отличительной чертой является то засвидетельствованное всеми очевидцами обстоятельство, что войско, вызванное из лагерей в город, помогало не евреям защищаться от громил, а громилам преодолевать сопротивление евреев. Есть все основания думать, что евреи справились бы с громилами, если бы этих последних не поддерживали полиция и солдаты. В высшей степени замечателен факт, сообщаемый в «Последних Известиях»[3] Заграничн. Ком. Бунда. Около Конной площади громил встретил отряд евреев, организовавшихся для самообороны. «Все единодушно утверждают, что громилы были бы здесь рассеяны. Но, откуда ни возьмись, появились войска, не вмешивавшиеся раньше, и без всякого предупреждения тотчас же дали залп в евреев. Трое убитых и много раненых осталось на месте». И не думайте, что войско вело себя так только в этом отдельном случае. Оказывается, что «почти все убитые и раненые евреи пали от пуль солдат и полиции, а не от рук громил». Это поистине бесподобно. Российское «христолюбивое воинство» покрыло свое оружие неувядающей славой! Было бы очень желательно узнать имена офицеров, участвовавших в этом разбойничьем набеге на евреев и не постыдившихся выступить в роли громил, достойной лишь одичавших от водки кабацких пропоиц...

А когда погром был окончен, когда дело открытого насилия было сделано, началось издевательство. Говорим: издевательство, потому что не умеем назвать иначе ту речь, с которой могилевский губернатор г. Клингенберг обратился к еврейской депутации. Этот интересный образчик «словесности» заставляет вспомнить слова поэта:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно;
Но им без волненья
Внимать невозможно...

Если оценивать речь могилевского помпадура по ее логической стоимости, то ее придется признать совершенно ничтожной, ибо логики в ней вовсе мало. Но ее логическое ничтожество не мешает ей выражать совершенно недвусмысленную политическую тенденцию, а эта тенденция способна взволновать самого флегматичного человека.

«Я знал Могилевскую губернию 25 лет тому назад, — возвестил г. Клингенберг. — Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни в каких политических движениях, и тогда не было и помину о погромах».

Выходит, стало быть, что, по мнению г. Клингенберга, причина погромов заключается в политической неблагонадежности евреев. Но эта «неблагонадежность» составляет горький плод последних лет, а между тем еврейские погромы у нас, к сожалению, далеко не новость: достаточно назвать восьмидесятые годы. Стало быть, одно из двух: или причина погромов не имеет ничего общего с «неблагонадежностью» евреев или прежние погромы не имеют ничего общего с нынешними. Г. Клингенберг сам чувствует неизбежность этой альтернативы и потому спешит прибавить, что погромы восьмидесятых годов имели «совсем другой характер». По его словам, они «явились результатом еврейского гнета, под которым находилось христианское население». Нетрудно было бы показать, насколько неудовлетворительно это об'яснение. Для этого стоило бы только напомнить, какова была «внутренняя политика» печальной памяти гр. Игнатьева, политика, несомненно основывавшаяся на угнетении, да только не на угнетении христиан евреями. Но мы не хотим поднимать здесь «пыль времен». Допустим, что г. Клингенберг говорит правду, и посмотрим, как справляется он со своим собственным об'яснением. Почему о погромах не было и помину в то доброе старое время, — т. е. «25 лет тому назад», т. е. в конце семидесятых годов,—когда «евреи были благонадежны» и «не участвовали ни в каких политических движениях»? Потому ли, что тогда еще не существовало указанного г. Клингенбергом гнета? Наш оратор ничего не отвечает на этот неизбежный вопрос, и потому нам приходится теряться

в догадках. Если гнета тогда в самом деле еще не было, то решительно непонятно, откуда взялся он всего лишь несколько лет спустя, т. е. в самом начале следующего десятилетия. А если гнет существовал и в счастливую эпоху политической благонадежности евреев, то интересно знать, почему же тогда не было погромов? Неужели только потому, что христиане не решались восставать против людей, благонадежных в политическом отношении? Это было бы уже слишком странно. Этого не станет утверждать и сам г. Клингенберг, несмотря на всю свойственную ему решительность. А в таком случае выходит, что, куда ни кинь, все — клин: как ни истолковывай речь превосходительного, — но, к сожалению, не превосходного, — оратора, а все-таки приходится сказать, что она ровно ничего не об'ясняет и очень многое запутывает.

Но, как бы ни были сбивчивы об'яснения, даваемые г. могилевским губернатором, из них все-таки видно, что, по его мнению, нынешние еврейские погромы об'ясняются вовсе не угнетением христиан евреями. Мы отмечаем это мнение г. Клингенберга, так резко противоречащее обычным разглагольствованиям наших антисемитов, и продолжаем слушать.

«Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всех антиправительственных движениях, гремит г. Клингенберг. — Весь этот Бунд и социал-демократия — евреи. Правда, находятся между ними и лица других исповеданий, но они являются как подстрекаемые, подстрекателями же являются евреи. Вообще евреи теперь нахальны, непокорны, потеряли всякое уважение к власти... Посмотрите, господа, нижний полицейский чин не имеет никакого значения, его не признают! Всегда и всюду евреи выражают дикое неуважение и нетерпимость к христианам. Да вот вам: на-днях на мою жену на улице наскочил велосипедист; кто? еврей. Гимназист на улице идет мне навстречу с папиросой в зубах и не кланяется! кто такой? опять еврей. Гимназистка, раздеваясь, задела рукавом мою жену и на вопрос жены, почему не извиняется, отвечает: «Я не заметила». Опять-таки кто? еврейка. Вот, господа, где причина. Вы сами виноваты во всем случившемся. Правительство беспристрастно и я беспристрастен. И, оставаясь беспристрастным, я должен сказать: вы сами виноваты. И в этом смысле я буду докладывать государю».

Это место речи г. Клингенберга окончательно убеждает нас в том, что, если русские евреи уже утратили первобытную чистоту нравов, то некоторые российские помпадуры до сих пор еще пребывают в том счастливом состоянии младенческой невинности, которое нисколько не мешает «наступать на законы», но совершенно исключает всякую серьезную политическую мысль. Бунд фигурирует у г. Клингенберга рядом с гимназисткой, которая задела рукавом ее превосходительство и, — нераскаянная преступница! — не извинилась перед ней; социал-демократия выступает под руку с гимназистом, который курит на улице и — о, времена! о нравы! — не кланяется самому «начальнику губернии»; освободительные стремления пролетариата идут бок-о-бок с неуважением к нижним чинам полиции. И все это вместе взятое — и дерзкий рукав, и преступная папироса, и непочтение к городовым, и революционная социал-демократия, все это создано евреями, все это об'ясняется еврейским «нахальством», как последней и самой глубокой причиной. Словом, тут перед нами такая беспомощная, такая комичная, такая изумительная путаница понятий, которой устыдился бы сам Иван Пантелеич Прыщ, обладавший, как известно, фаршированной головой. Но сугубая чепуха, которой переполнена речь г. Клингенберга, неизменно сопровождается зловещим припевом: «вы сами виноваты во всем случившемся», и этот зловещий припев раскрывает перед нами истинный смысл всего случившегося в Гомеле. Если полиция и войско поддерживали там громил, то это произошло потому, что так угодно было нашему «беспристрастному» правительству, которое хочет наказать евреев за то, что из среды их выходит много врагов существующего «порядка», и вернуть их на путь первобытной «благонадежности». Погромы нужны как средство политического исправления евреев. Вот что узнаем мы из речи г. Клингенберга. И это как нельзя лучше подтверждается тем, что г. помпадур собирался «в этом смысле докладывать государю». Ведь если бы петербургские «правящие сферы» не имели указанных нами педагогических планов насчет евреев, то г. Клингенберг «доложил» бы царю совершенно в ином смысле. Гг. помпадуры тоже знают, как, что и когда надо «докладывать». Им тоже приходится держать нос по ветру.

Само собою понятно, что воспитательные намерения петербургского правительства хорошо известны не одному г. Клингенбергу. Вот, например, таврический губернатор Трепов, — сын того Трепова, которого обессмертила В. И. Засулич [4], — тоже, как видно, убежден, что евреи «во всем» виноваты. При посещении им синагоги в селе Каменке он произнес речь, полную упреков по адресу еврейского населения, которое и ему представляется до последней степени неблагонадежным. «Всюду в беспорядках, — говорил он, — евреи являются не только участниками, но и зачинщиками». Мы не хотим брать на себя роль пророка и вовсе не желали бы пугать таврических евреев, но не можем не заметить, что в этих словах г. Трепова нам слышится шум приближающегося еврейского погрома.

А вот орловский помпадур Балясный, тот речей не произносит, а кусается молча. Читатель помнит, конечно, из № 49 «Искры», — таких вещей не забывают, — что этот расторопный администратор послал старосте деревни Дубовки предписание, повелевавшее «жидов» бить, имущество их отбирать, «водку пить» *. Нечего и прибавлять, что в этом лаконическом распоряжении виноваты опять «сами евреи» и что, если дубовские крестьяне исполнят распоряжение г. Балясного, то он сумеет дать делу надлежащее освещение в своем «докладе» слабоумному петербургскому недорослю.

За помпадурами идут разные мелкие сошки. В Гомеле «на другой день после погрома, — читаем мы в уже цитированном нами № «Последних Известий», — преподаватель местной женской гимназии, известный антисемит Боборыкин, вызвал еврейских учениц. Когда они отказались отвечать, ссылаясь на то, что были накануне слишком взволнованы и не могли готовить уроки, у него хватило духу, чтобы обрушиться на них с грубыми попреками и долго распространяться о том, что евреи не умеют держать себя, не знают своего места и пр. и пр.».

* Как мы уже заметили в указанном номере, у нас имеется экземпляр этого печатного предписания.

Лозунг дан свыше. Неудивительно, что его повторяют на всех ступенях чиновничьей лестницы. Это в порядке вещей.

«Повторяю, не будь полиции, не была бы разрушена ни одна лавка. Не было бы погрома», — пишет один из наших корреспондентов. Мы охотно верим этому. Но полиция была, и погром состоялся; полиция есть, и погромы будут. К ним надо готовиться заранее. Что можно против них сделать?

Уже по поводу кишиневского погрома мы высказали ту мысль, что необходимо противопоставить громилам энергичное сопротивление.

Такое сопротивление было оказано в Гомеле. К чему привело оно? Если верить «Последним Известиям», то результаты его были невелики. «Евреи, решившиеся на самооборону, очень скоро опустили руки, так как не было возможности сделать что-нибудь— солдаты не давали» (№ 147). Мы сами прекрасно знаем, что нелегко бороться с солдатами, но мы все-таки думаем, что «Последние Известия» смотрят на это дело слишком мрачно. Наши корреспонденты положительно утверждают, что еврейская самооборона была далеко не бесплодна, и с этим согласны сведения, сообщаемые в том же номере «Последних Известий». Так, мы узнаем из этого номера, что «оборона, видя невозможность дать отпор отдельными группами, стянула все свои силы и отстояла улицы Могилевскую и Замковую». Это уже очень недурно. В другом столбце того же номера мы читаем: «Что остановило погром, трудно сказать. Несомненно, однако, что сопротивление евреев сыграло здесь большую роль». Ясно стало быть, что евреи, решившиеся на самооборону, не так уже скоро «опустили руки». Не менее ясно и то, что если бы непосредственные результаты сопротивления в самом деле были совсем невелики, то сопротивляться все-таки было бы необходимо в интересах будущего. Самым вредным следствием еврейских погромов издавна было именно то, что под их влиянием евреи теряли мужество и «опускали руки». Известный историк евреев Грэц, описав погромы, происходившие в Испании в конце XIV века, очень картинно замечает: «Если сотня евреев стояла вместе и если какой-нибудь мальчишка бросался на них с угрожающим видом, то они рассыпались в разные стороны, как стая испуганных птиц!» (Geschichte der Juden, том 8, стр. 63). Под влиянием таких же причин и русские евреи прежде вели себя таким же образом. Именно потому разные Клингенберги и считали их «благонадежными», что они рассыпались как испуганные птицы при виде первого встречного буяна. Но немецкая пословица не даром говорит: Muth verloren, alles verloren (когда потеряно мужество, все потеряно). Чем покорнее сносили евреи колотушки, сыпавшиеся на них с разных сторон, тем меньше было шансов на то, что колотушки прекратятся. К счастью, теперь дело принимает другой оборот. Теперь в евреях пробуждается дух протеста. «Полиция была поражена одним фактом, — говорят представители гомельского еврейского общества в записке, поданной тов. министра внутренних дел, — тем, что евреи, вместо того, чтобы разбежаться при первом крике: „бей жидов!“, собрались, вступили в драку с рабочими». Испуганных птиц заменили мужественные люди. В интересах всего еврейского населения надо желать, чтобы такие факты перестали быть исключениями из правила; надо, чтобы евреи не боялись давать отпор громилам. Обстоятельства так сложились, что этот отпор является для них одним из видов борьбы с нашим полицейским государством. А без борьбы с ним ничего не добьешься; «благонадежность» обывателей никогда еще не располагала его к уступчивости. Вот почему давать отпор громилам надо, хотя бы непосредственные результаты отпора были местами совершенно ничтожны.

И в этом трудном, но необходимом деле борьбы с громилами у евреев не будет, не должно быть союзника более надежного, чем сознательный пролетариат, каков бы ни был его племенной состав в том или другом месте. Мы уже знаем теперь, за что полиция травит евреев: за то, что между ними много социал-демократов. В руках полиции еврейские погромы являются одним из средств борьбы с социал-демократией; и все мы должны помнить, что при известных условиях этот способ мог бы оказаться одним из самых удачных. Социал-демократическое движение есть международное движение пролетариата, независимое от языка, расы, религии и национальности. Его участниками не могут быть рабочие, не успевшие отделаться от национального или племенного фанатизма. Поэтому, чтобы ослабить его, реакционеры везде стараются поддерживать национальные и племенные предрассудки бессознательных и малосознательных рабочих. Наш полицейский антисемитизм представляет собою лишь самый циничный изо всех видов этого стремления темных сил остановить развитие классового самосознания пролетариата. Поэтому наш сознательный пролетариат должен вести беспощадную, неустанную войну с полицейским антисемитизмом.

Дело идет здесь о самом существовании социал-демократии. Победа антисемитов означала бы гибель ее, как партии сознательного пролетариата. К счастью, такая победа теперь невозможна. Российский пролетариат уже вышел из детских пеленок, и его не собьют с толку дикие сказки реакционеров. Это с ясностью показали колоссальные стачки нынешнего года на юге России. Во время этих стачек рабочие легко могли бы разгромить «жидов»; но они не только не проявили ни малейшего желания «бить евреев», но успокаивали их,— как то было, например, в Одессе, — говоря им: «Не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев; мы вас не тронем; для нас все равны — и русские и евреи». Такое поведение рабочих было плодом влияния на них социал-демократической пропаганды, и оно дает нам меру этого влияния. Господа антисемиты опоздали. Крупные центры уже не пойдут за ними. Этим об'ясняется, почему антисемитические разбойники выступают лишь в отсталых местностях, т. е. там, где влияние социал-демократических идей на рабочую массу еще невелико. Но и в этих местностях уже встречаются «христианские» рабочие, понимающие свой классовый интерес и свою классовую обязанность. Хотя в Гомеле в числе громил было, к сожалению, немало железнодорожных рабочих, но фабричное предместье того же Гомеля, Белица, очень сочувственно отнеслось к евреям.

«Когда испуганные белицкие евреи, опасаясь погрома, просили полицеймейстера прислать охрану, местные русские рабочие успокаивали их и обещали, что никому не дадут их громить». Источник, из которого мы заимствуем это сведение («Посл. Изв.», цит. номер, первый столбец), прибавляет, правда, что это исключительный случай, «вообще же в окрестностях Гомеля отношения между еврейским и русским населением обострились». Но «окрестности Гомеля» это — именно одно из наших захолустий, еще не испытавших на себе благотворного влияния нашей проповеди. В эти темные углы и сползаются теперь гады антисемитизма, не без основания рассчитывая встретить там сочувственный прием со стороны неразвитой массы. Но и там они продержатся недолго. Волны рабочего движения скоро докатятся и до этих захолустий, а тогда и там появятся «христиане», видящие всю гнусность, чувствующие весь позор и сознающие весь вред еврейских погромов; тогда и там «христианские» рабочие восстанут на защиту евреев и скажут им: «Не бойтесь нас, не бойтесь: нам все равно, что еврей, что русский!». И, чтобы еще более ускорить наступление этой счастливой поры, мы обязаны теперь же организовать и систематизировать свою борьбу с антисемитизмом. За это не замедлит, конечно, взяться Центральный Комитет нашей Партии, который будет создан ее вторым очередным с'ездом. Ожидающая его на этом поприще работа пропаганды, агитации и организации принесет богатые плоды.

Против антисемитической заразы есть только одно средство — международный социализм. Но это — верное средство, оно устраняет ее без остатка. И его действия не остановят ни хитроумные Плеве, ни тупоумные Клингенберги. От социализма не уйти, как от судьбы. *[Г. Плеханов]*

ФРАНЦУЗСКИЙ АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКИХ «СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ».

Во втором № «Народного Дела» [5], издаваемого партией «социалистов-революционеров», напечатано письмо из Франции, в котором рассказывается о современном антиклерикальном движении во Франции. Всякий, маломальски следящий хотя бы по газетам за политикой Франции, знает, что там знамя антиклерикализма поднято было Гамбеттой [6], представителем и шефом буржуазного центра — оппортюнизма. Со времени Гамбетты почти все республиканские министерства вели более или менее энергичную борьбу с клерикализмом. Борьба эта приняла особенно острый характер под влиянием дела Дрейфуса при министерстве Вальдека-Руссо [7], и буржуазному большинству последнего нетрудно было издать ряд законов против конгрегаций. Монашеские ордена во Франции проводят свою жизнь далеко не в одних только постах и молитвах; они умеют, и очень умеют, накоплять капиталы. В течение века огромная часть французских земель перешла в руки конгрегаций; они же усердно занимаются и производством разных продуктов, в особенности вин, — между прочим и известного вина Шартрёз. Их продукты очень успешно конкурируют с продуктами светских фабрикантов. Отсюда и ненависть промышленной и крупно-торговой светской буржуазии к черному духовенству. Буржуазия ничего не имеет против религии и церквей; напротив, она довольна проповедями ксендзов о смирении и небесном царстве; она ничего не имеет против белого духовенства; все удары ее направлены против монашеских орденов. Прибавьте к этому еще тот факт, что богатые католические ордена, отделяющие часть своих доходов в пользу Ватикана, употребляют немалую часть своих средств для широкой поддержки во время избирательной

Л. ТОЛСТОЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Двадцать восьмого августа читающая Россия праздновала 75-летний юбилей Льва Николаевича Толстого. Наша жестокая действительность, вырывшая не одному русскому талантливому писателю преждевременную могилу, не изобилует такими лирическими моментами. С тем большим торжеством мы можем отметить такое выдающееся, почти небывалое у нас событие, как 75-летний юбилей знаменитого русского поэта. Как бы ни отличались друг от друга направления и идеалы в различных слоях современного нашего общества, все согласятся, без сомнения, в том, что гениальный беллетрист внес огромный вклад в русскую и всемирную литературу своими истинно художественными по форме и глубокими по содержанию произведениями. Одаренный необычайной силой проницательности, несравненный знаток человеческой души и великий мастер в изображении как типичного, так и индивидуального, Лев Николаевич Толстой, как настоящий талант, сумел, оставаясь на почве конкретной окружающей действительности, воплотить в свои произведения и те общие, типичные элементы мысли и чувства, которые в той или иной степени, в той или иной форме присущи культурному человечеству на протяжении долгих исторических периодов.

Эта гениальная способность находить общее в частном и частное в общем обеспечила великому русскому художнику выдающееся место во всемирной литературе и неизменный, захватывающий интерес к его произведениям. Во всяком возрасте, на всякой ступени своего духовного развития и житейского опыта читатель найдет в художественных произведениях Л. Н. Толстого нечто новое и оригинальное. Гете сказал о поэте классической древности: «Когда я теперь читаю Гомера, то он кажется мне иным, чем казался десять лет тому назад; и если бы жизнь наша продолжалась 300 лет, то он бы всегда продолжал выступать перед нами в новом свете». Думаем, что эти слова творца Фауста так же применимы к грандиозной эпопее «Война и мир».

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему русская социал-демократия, представительница того класса, который стремится к истинной духовной культуре человечества, всецело разделяет общее торжество юбилея. Но, понимая все то глубокое, культурное значение, какое имеет Л. Н. Толстой как художник, соц.-дем. помнит и не должна забывать, что Толстой как проповедник является

агитации реакционных политических партий, начиная от националистов-антисемитов и кончая бонапартистами, — и вы поймете все ожесточение нынешней свободомыслящей французской буржуазии против конгрегаций.

Как же изображают антиклерикальное движение во Франции социалисты-революционеры?

«Укрепилось духовенство, — пишет автор названной статьи, — и трудно было его выжить. Терпел народ до поры, до времени. И вот теперь народ (?) узнал свою силу, взялся за ум и издал новый закон». Положим, законы издает во Франции не «народ» непосредственно, а парламент. Но не будем останавливаться на этом. Итак, народ, т. е. представители его в парламенте стали так сильны, что провели закон против конгрегаций. Но кто же, однако, этот «народ», из каких слоев состоит он? Надо полагать, — из рабочих и крестьян, потому что дальше автор пишет, что «богачи, фабриканты и помещики стоят на стороне духовенства», и еще дальше, что «попы и дворяне, купцы и фабриканты, всегда кричавшие, что нельзя нарушать законы, стали отказываться исполнять новый закон и звать своих единомышленников на борьбу с законным правительством и народом, стоящими за новый закон». Оказывается, что во французском парламенте большинство депутатов — представители «народа», а меньшинство — представители «богачей, фабрикантов, помещиков и духовенства».

Обращаюсь к вам, правдолюбцы гг. Гарденины, Левицкие, Брешковские [8] и проч. Неужели такая передача фактов соответствует действительности? Неужели можно признать такого рода пропаганду социалистической?

Мало того. Наш «социалист-революционер» и закон-то самый пере... иначил. «Новый закон, — пишет он, — состоит в том, что все без исключения жители могут собираться в общества и союзы совершенно свободно, т. е. всякие общества и союзы могут открываться и действовать с какой угодно целью... Только для монахов сделано исключение».

И это неправда! Вообще говоря, свобода коалиций существует во Франции уже немало лет, существует с немалыми ограничениями. Новый закон о конгрегациях явился, с социалистической точки зрения, не прогрессом, а регрессом. Неправду говорит автор, что «теперь союзы могут открываться и действовать с какой угодно целью». Во-первых, новый закон нисколько не отменяет так называемых «преступных законов» (lois scèlerates), направленных против анархистов вообще и анархистских союзов в частности. Любое французское правительство может подвести под этот закон и социалистов. Во-вторых, под прикрытием ударов, направленных против конгрегаций, буржуазное правительство усилило вообще государственный контроль над всякими обществами и ввело в новый закон «маленький пунктик», вызвавший в свое время изрядный шум, пунктик против нынешнего интернационального движения. Гласит же этот «пунктик», что правительство имеет право распустить всякое общество, руководящий центр которого находится за границей. Правительство говорило в защиту этого пункта, что оно имело в виду только католиков с их центром в Риме; но ничто не помешает первому реакционному правительству направить в необходимый момент этот самый «пунктик» против социалистов. Да и нет сомнения, что, проводя новый закон, буржуазное большинство в парламенте, а совсем не «народ», как повествуют социалисты-революционеры, имело в виду расправиться сразу с двумя противниками: с одной стороны, с духовенством, угрожающим только понизить уровень прибыли капиталистов, и, с другой стороны, с пролетариатом, подтачивающим самый корень прибыли.

Обо всем этом парижский «соц.-рев.» ни слова. И вот теперь, — излагает он дальше, — всем этим мона-

---

самым резким и вполне сознательным противником социалистического движения.

Социал-демократия стремится к развитию классового сознания пролетариата. Великая цель социализма может быть достигнута только путем роста и развития у пролетариата сознания коренных противоречий нынешнего общества. Сознание непримиримого антагонизма интересов привилегированного, эксплоатирующего меньшинства с интересами угнетенного, эксплоатируемого большинства является той активной исторической силой, которая должна положить конец существующему порядку вещей. Следовательно, чем серьезнее и чем яснее будет убеждение пролетариата в непримиримости этого антагонизма, тем скорее наступит момент его уничтожения, иначе говоря: чем резче будет вестись война, тем ближе мы будем к миру.

Диаметрально-противоположным содержанием отличается учение Л. Н. Толстого. Исходя из аскетически-христианского миросозерцания, Л. Н. Толстой отрицает по существу стремление современного революционного пролетариата к материальному экономическому равенству. Принципиально не придавая никакого значения материальной жизни, это учение совершенно игнорирует существующее экономическое неравенство. Нравственная проповедь любви и мира направляется поэтому у Л. Н. Толстого ко всем безразлично классам современного общества, и если она учит буржуа любить рабочего, то, с другой стороны, учит рабочего повиноваться буржуа и терпеть зло без сопротивления, ибо, как говорится в евангелии Толстого, «заставят тебя сработать на себя одну работу, сработай две, и кто принудит тебя итти с ним одно поприще, иди с ним два». Факт эксплоатации человека человеком не вызывает протеста, не внушает возмущения, не требует борьбы, а, напротив, должен, с христианской точки зрения, вызвать чувство смирения. Ясно, что добровольное подчинение эксплоататорам возводится здесь в высший нравственный принцип. Вся толстовская проповедь проникнута поэтому идеей примирения классов и, подобно всем нравственным теориям современных защитников буржуазии, служит к затемнению классового самосознания борющегося пролетариата. Сущность и смысл этого учения превосходно поняла западно-европейская буржуазия, у которой нравственное учение Толстого пользуется огромным уважением и нередко ставится в пример социал-демократам.

Правда, что Толстой резко и метко критикует праздный образ жизни высших эксплоатирующих классов

стырским общинам пришлось позакрыться вместе с их школами. Вместо них народные депутаты решили открыть новые светские школы, где бы дети могли учиться по-настоящему, могли бы узнать правду и найти путь к справедливости.

Всего, всего мы ожидали от «социалистов-революционеров», но уж никак не этого. Светские школы, преподавание в которых критикуется даже передовыми французскими демократами, являются образцом, идеалом для наших пресловутых «социалистов». Наши соц.-рев. «находят путь к справедливости» в школах, которые резко проникнуты классовым буржуазным характером, в которых детей поучают, что собственность свята и что лица, желающие уничтожить ее, безумцы или преступники, в которых восхваляются военные подвиги всяких Наполеонов Бонапартов и других авантюристов! Наши соц.-рев. «узнают правду» в школах, в которых изображают коммуну как кучку жуликов и бандитов, напавших в одно прекрасное утро на мирно живущих граждан.

Вот они — пресловутые «правда» и «справедливость» наших «социалистов-революционеров».

[Г. Лейтейзен-Линдов]

К ВОПРОСУ О НАШИХ ПАРТИЙНЫХ ЗАДАЧАХ.

(Письмо в «Искру»)

Товарищи! Прочитав в № 32 «Искры» извещение Орг. Комитета и ваш призыв высказаться по этому поводу всем действующим и находящимся временно «не у дел» соц.-дем., мы, группа ссыльных Восточной Сибири, собравшись, решили отозваться на ваше приглашение нижеследующим письмом.

Мы убеждены, что только принципы революционного марксизма определяют насущные задачи российского пролетариата в его классовой борьбе со всем буржуазным строем и русским самодержавием в частности.

Тактические задачи российской социал-демократии, вытекающие из этих принципов, наиболее верно и решительно высказаны и развиты «Искрой», «Зарей»[9] и в книге Ленина «Что делать». Поэтому в основу предстоящего об'единения — по нашему глубокому убеждению — и должны лечь эти революционные принципы и эти тактические задачи.

Повторяя вместе с «Искрой», что «нам нужно об'единение на почве строгого принципиального единства», мы считаем необходимым добавить, что прочность и жизнеспособность такого об'единения будет обеспечена лишь тогда, когда в основу его не будут положены взаимные компромиссы и уступки. Поэтому мы полагаем, что товарищи, боровшиеся до сего времени под знаменем идей, развиваемых «Искрой» и «Зарей», и теперь вошедшие в Орг. Комитет[10], ставящий своей задачей «фактическое восстановление Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии», будут неустанно продолжать свою борьбу, ни на иоту не поступаясь революционными принципами ради «осязательных результатов» об'единения.

«Такого об'единения нельзя создать сразу, — говорит „Искра", — одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически, исподволь подготовить и выработать»...

Одним из самых важных—вернее, главнейшим—способом для подготовления «фактического восстановления партии» мы и считаем: неустанную, все более и более энергичную борьбу с оппортунистическими, кустарническими и «демократическими» тенденциями, продолжающими жить среди некоторой части действующих в России соц.-дем.

Так, например, еще до сих пор среди российской соц.-дем. живет заблуждение, утверждающее, что для создания сильной соц.-дем. партии необходимо с на-

---

и что, благодаря своей колоссальной проницательности и самостоятельности наблюдения, он открывает такие стороны современного общественного строя, каких не замечает обыкновенный глаз обыкновенного челов[ека]. Но эта критика остается совершенно бесплодной, т. к. она везде и повсюду приурочивается мистиком-аскетом к аскетическим целям. Критика общест[венных] условий плодотворна и революционна только в том случае, когда она, отмечая отжившие, негодные общест[венные] формы, указывает на те здоровые элементы, из которых должно сложиться и развиться будущее и на которые должен опираться общественный деятель, задавшийся целью работать в этом направлении. Критика же Толстого исходит из аскетического начала; она отрицает всю современную культуру без остатка. Отрицая все, Толстой этим самым оставляет в сущности все нетронутым, рекомендуя только абсолютное равнодушие к земной жизни, т. к. в ней вообще все суета сует. Блестящим подтверждением бесплодности этой критики может служить хотя бы «Воскресенье». Художник знакомит своего героя со всем адом русской действительности. И что же? После всего того, что видел и пережил Неклюдов, ему становится ясным... истинный смысл евангелия, в которое он и погружается всецело, не считая при этом более необходимым отдавать землю крестьянам, т. к. земная жизнь вообще ничего не стоит. И вся quasi-революционная критика Толстого кончается неизменно тем, что следует отказаться от культурных потребностей, не бороться за материальное благо, любить друг друга и подставлять левую щеку тому, кто тебя ударит в правую, и тогда настанет царство божие... внутри нас.

Одним словом, Толстой, как все мистики, возвел в вечный нравственный закон фактически существующий теперь аскетический образ жизни рабочих масс, — что, разумеется, очень выгодно привилегированным классам. А в те редкие моменты, когда Толстой оставляет свою религиозную точку зрения и касается какого-нибудь конкретного вопроса, он является самым умеренным либералом, а чаще всего консерватором. Нападая, например, на частную собственность, Толстой нигде не говорит, что она должна быть отменена. И как только проповедник приближается к этому вопросу, он сейчас оставляет свой ясный реалистический язык и ведет обыкновенно такую речь: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеваться. Душа не больше ли пищи и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы: и отец ваш небесный питает

чала укрепить работу на местах, необходимо сначала создать сильные местные организации, а уже затем об'единяться, централизоваться, создавать и укреплять общерусский центр. Прежде чем об'единяться в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партию, говорят сторонники этого заблуждения, необходимо создать порайонные организации, сильные порайонные центры, на которые и могла бы опереться будущая общерусская организация.

Мы же утверждаем, что постройка централизованной партийной организации должна вестись как раз наоборот. Не местной, не порайонной работой должна определяться постройка общерусской организации. Напротив, — деятельность местная и порайонная вполне обусловливаются задачами и интересами партийного центра, единственно способного заведывать общерусской работой. Только тогда, только в этом случае интересы общерусские могут стать, и действительно станут, на первом месте перед каждым действующим соц.-дем., в какой бы местности, в каком бы районе он ни работал. Элемент стихийности и кустарничества, который узаконяется сторонниками построения снизу, совершенно устраняется здесь, раз интересы общерусские выступают на первый план.

Принцип централизации, строго проведенный при постройке партийной организации, обеспечит за нею и силу, и крепость, и принципиальную устойчивость и, без сомнения, наилучшим образом отзовется на той будущей, громадной и сложной работе, которую предстоит выполнить сорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П.

«Национальный вопрос», который нередко затуманивал и до сих пор затуманивает сознание некоторой части российской социал-демократии, — по нашему убеждению, должен быть окончательно решен в предстоящем об'единении в пользу великого революционно-социалистического завета: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Революционная соц.-дем. интернациональна по самому существу своему. Для классового движения пролетариата не существует национальных антагонизмов. Существование же отдельных соц.-дем. партий по странам оправдывается лишь постольку, поскольку «национальность» движения не служит помехой интернационализму его.

Об'единение всех действующих соц.-дем. по национальностям — в обособленные, независимые организации, ставящие на первый план интересы своей национальности, такая группировка соц.-дем. сил России послужила бы серьезным тормозом при развитии классового самосознания пролетариата.

Поэтому предстоящее «фактическое восстановление Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии» должно быть об'единением всех работающих в России социал-демократов, к какой бы национальности они ни принадлежали, в одну организацию, с единым центром, единой программой под знаменем революционной социал-демократии.

«Искра» и «Заря», оказавшие неоцененные услуги соц.-дем. движению в России, по нашему убеждению, должны быть признаны руководящими органами Р. С.-Д. Р. П.

Если Орг. Комитет, ставящий своей задачей об'единение и фактическое восстановление партии, поведет свою работу под знаменем идей революционного марксизма, неустанно развиваемых «Искрой» и «Зарей»,— тогда все истинно-революционные социал-демократы России, по нашему мнению, не только должны признать за ним «право» на общепартийные функции, но и стать к нему, — не ожидая предстоящего с'езда, — в обязательные отношения, как к партийному центру.

Вполне отрицая с'езд, как орган, созидающий и санкционирующий Ц. К., мы допускаем созыв лишь такого с'езда (если «Искра» и Орг. Ком. признают это целе-

---

их» и т. д. Вся критика частной собст[венности] сводится в конечном счете к тому, что богатым вменяется в нравственную обязанность накормить и одеть неимущего ближнего: евангельская заповедь, которая не только не восстает против частной собственности, а, напротив, санкционирует этот институт как неизменную категорию.

Многие придерживаются того убеждения, что критика существующего строя может, вопреки исходной точке и окончательному выводу, иметь революционное влияние на умы. Это, по нашему мнению, большое заблуждение. Всякое миросозерцание, как бы оно ни было реакционно, может содержать и часто содержит верные критические взгляды, сила и яркость которых зависит от степени талантливости представителя этого миросозерцания. Какой-нибудь романтик, идеализирующий мрачное средневековье, может сойтись с социалистом в критике некоторых элементов капиталистического порядка.

Дело совсем не в критике, а именно в исходной точке и окончательном выводе. Революционер подвергает критике существующий строй для того, чтобы его ниспровергнуть и итти вперед; реакционер может подвергнуть его той же критике для того, чтобы повернуть колесо истории назад.

И если критика реакционера становится очень резкой и очень смелой, то это доказывает только то, что общественные формы достигли такой серьезной степени разложения, что обратили на себя внимание даже тех, кто вовсе не склонен к революционному способу мышления. Само собой разумеется, что социал-демократия может и должна пользоваться критикой современного общественного строя, из какого бы лагеря эта критика ни исходила, но социал-демократическое учение, выражая в своем миросозерцании все революционные стремления нашей эпохи, должно в своем анализе и оценке других общественных течений сосредоточивать свое внимание на их главном и существенном содержании и судить о них не по тем или другим частным взглядам, а на основании их общего направления.

Как художник, Толстой не может не заметить процесса падения капиталистического общества и победоносного шествия революционного пролетариата. И чем яснее он видит это, тем резче становится его критика современных общественных условий; зато, с другой стороны, тем больше усиливается его антиреволюционная проповедь всеобщей любви и непротивления злу насилием.

Что Л. Н. Толстой является сознательным противником социализма, это он ясно показал в своих последних брошюрах, непосредственно направленных против социалистического движения. «Рабство нашего времени» посвя-

сообразным), который лишь «формально закрепит» * то, что создано усилиями Орг. Ком. с помощью всей российской истинно-революционной социал-демократии.

Не выборное начало, не игрушечный и вредный «демократизм», а строго-принципиальная постановка дела, преданность пролетарскому делу и товарищеское доверие — вот что должно стать для нас основой для совместной и дружной работы. Каждая действующая соц.-дем. организация, каждый работающий или жаждущий работать социал-демократ в настоящий исторический момент, переживаемый российской социал-демократией, должен подняться и вырваться из узкой сферы местных интересов и все свое внимание, все свои силы перенести и сосредоточить на общерусской работе: на организации и «фактическом восстановлении Р. С.-Д. Р. П.».

Пользуясь настоящим случаем, мы высказываем и свое отношение к полемике «Искры», по адресу которой так часто раздавались и теперь еще раздаются негодующие возгласы.

Мы не будем говорить здесь о социал-демократических заслугах «Искры» вообще... Они признаны даже... противниками этой газеты. Нет, мы хотим здесь сказать о заслугах полемики «Искры» — именно той «нетерпимой», «нетоварищеской» полемики, на которую так много наветов и нареканий.

Мы полагаем, что, кому близко и дорого пролетарское дело, кто действительно глубоко понял и проникся принципами революционного марксизма, этой науки пролетарского движения, — тот не может быть равнодушен к поползновениям разных «друзей» и «учителей» пролетариата, стремящихся затуманить его сознание и вносящих в эту строго научную теорию свои «поправки» и «раз'яснения».

Кому же недостаточно понятны или просто недоступны принципы пролетарской науки, тому и совлечение рабочего движения с истинной дороги на буржуазную покажется лишь... простым недоразумением... Поэтому горячая, «нетерпимая» полемика «Искры», ее энергичные, решительные, резкие слова и эпитеты оскорбляют ухо таких «деликатных» читателей... Ведь они видят только эти слова, эти эпитеты, эти названия, читают лишь самую поверхность писания, но содержание, сущность этой полемики они неспособны воспринять! И... они негодуют на «Искру»: «„Искра“ ругается, „Искра“ только и способна на это!».

Те, кто идут и отдают себя пролетариату лишь по чувству, по симпатиям, революционное воодушевление которых вытекает не из глубокого убеждения и серьезного изучения научного социализма, для тех полемика «Искры» не может быть убедительной. Для них она всегда останется: «хлесткой фразой», «полемической красотой», «полемическим задором» и т. д. и т. п.

Под литературной внешностью они никогда не способны будут разглядеть содержания. Поэтому резкость, категоричность, ирония и смех всегда будут представляться им «хлесткой фразой», ничем неоправдываемой... Для таких «деликатных» читателей, одушевленных лишь «добрым желанием» и «честным негодованием», слова: «революционер», «социалист» вполне уже гарантируют чистоту пролетарского знамени. Уроков истории, жестоких уроков, перенесенных пролетариатом на своей спине, для них не существует вовсе... Каждую красную тряпку они легкомысленно готовы признать за пролетарское знамя.

Читатель же, способный воспринимать сущность пролетарского учения, поймет и эту резкость, и «нетерпимость» и негодование, возбуждаемые в убежденном социал-демократе буржуазным поползновением буржуазных теоретиков. Всегда и всюду, во всяком углу мы

* Понимая под «формальным закреплением» ряд совместных обсуждений и распределение Центральным Комитетом сил и функций между представленными организациями... Не более.

щено, по существу, критике или, точнее, отрицанию социализма. В «Обращении к рабочему народу» социализм признается безнравственным учением на основании таких рассуждений: «не согласна с правилом о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, и вся социалистическая деятельность (раньше шла речь о безнравственности революции). Она не согласна с этим правилом, во-первых, потому, что, ставя в свою основу классовую борьбу, вызывает в рабочих к хозяевам и вообще к нерабочим такие враждебные чувства, которые со стороны хозяев никак не могут быть желательны для рабочих. Не согласна с этим правилом еще и потому, что при стачках рабочие очень часто, для успеха своего дела, бывают приведены к необходимости употреблять насилие против тех рабочих своих или чужих народностей, которые хотят заступить их место» *. Обращаясь к политическим деятелям, Толстой говорит, что причины всех современных бедствий суть: «Отрицание всякой религии и направление деятельности народа на служение правительству, революции и социализму» **. Служение социализму ставится, как видит читатель, на одну доску с служением правительству и рассматривается как одно из бедствий современной действительности.

Спрашивается, какая польза социализму от толстовского отрицательного отношения к правительству, когда тот же Толстой также отрицает революцию и социализм? Далее в этой же брошюре автор, выражая свое сожаление по поводу того, что политические деятели даром тратят свои силы, говорит: «Сколько тратится молодых, горячих сил на попытки революции, на невозможную борьбу с государством, сколько тратится на социалистические неосуществимые мечтанья» *. Социализм об'является неосуществимой мечтой! Это чрезвычайно характерно для утописта Толстого.

Толстой, который считает возможным уничтожение современного государства путем личного отказа от военной службы, который верит, что человечество со временем откажется от культуры, уничтожит технику и станет жить аскетическою жизнью («Царство божие внутри нас»), который допускает возможность прекращения половой любви, — не допускает возможности наступления коллективной собственности. Это прямо напоминает того

* Стр. 26. Изд. «Свободного Слова».
** «К политическим деятелям», стр. 25.

* Стр. 24. Выделено нами.

должны нагонять своих буржуазных противников, срывать с них чуждую им одежду и смехом, и иронией, и резким словом раскрывать перед пролетариатом эту ворону в павлиньих перьях....

Да мы и не можем быть не резки, мы не можем быть «корректны», сдержанны и олимпийски-спокойны, когда перед нашими глазами дотрагиваются до самого святого! Такое спокойствие было бы равносильно индифферентизму.

Неустанно продолжая свою резкую, «нетерпимую» полемику, «Искра» докончит—так, как и следует,—начатое ею дело. Тот, кого коробит резкость и категоричность этой полемики, пусть себе уходит туда, откуда он пришел... Он ненадежный товарищ...

Так полемическая резкость и «нетерпимость» «Искры» на глазах у всех (даже в далекой ссылке) провела уже и с каждым днем проводит все глубже и резче ту линию, которая отграничивает «ненадежных» от «надежных»... пусть бегут от нас—революционной социал-демократии—целые стаи «недовольных» и «возмущенных» и пусть по этому поводу печалуются и радуются те, для кого это явление равносильно «упадку» или «слабости» русской социал-демократии. Мы же — для кого явление это и понятно и естественно — называем его: мобилизацией своих сил...

Революционное меньшинство, глубоко убежденное и проникнувшееся пролетарским учением, сумеет и сумеет во сто раз лучше целой армии «ненадежных», идущих по симпатиям и чувству соц.-дем., внести это учение в сознание российского рабочего класса.

Придет время (и оно уже недалеко), когда учение это, глубоко проникнув в пролетарскую массу, воплотится перед глазами всех и каждого в могучее революционное движение народных масс, и тогда... все эти стаи «недовольных» «не совсем согласных», «протестующих» и «возмущенных», оглушенные внушительным «конкретным результатом», разом забудут свое бывшее негодование, забудут «полемические красоты», «хлесткость фразы», «возмутительное поведение» и т. д. и, «прозрев», потянутся за революционной соц.-демократией...

Так многие и многие теперешние «протестанты», подобно многим и многим буржуазно-радикальным «друзьям» пролетариата, силою «конкретных фактов» нежданно претерпят внезапную метаморфозу, о которой потом постараются скорее забыть... «Чувства» и «симпатии» их повернут тогда... по ветру — в нашу сторону...

Товарищи! Вот почему мы, — группа ссыльных соц.-дем.,—искренно приветствуем полемику «Искры» со всей ее резкостью, категоричностью и «нетерпимостью», приветствуем — не только как вполне пригодное и законное орудие в борьбе с буржуазной идеологией, но и как прекрасное радикальное средство для отделения «надежных» от «ненадежных»... Группа ссыльных соц.-дем.

(Восточная Сибирь). Июль 1903 г.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Первая политическая демонстрация тульских рабочих 14 сентября 1903 года. Одиннадцать часов дня. На Киевской улице (главная улица в Туле) необыкновенное и своеобразное оживление. Городовые расставлены по два человека вместе. На углу Площадной красуется помощник пристава верхом на коне с плеткой в руках, другой — пеший стоит рядом. Оба беспокойно посматривают в сторону Пушкинского сада. На другом углу — пристав на коне, а рядом помощник — пеший и два городовых. По середине Киевской гарцует на коне еще помощник пристава и стоят опять два городовых. Какие-то подозрительные личности снуют сзади и спереди или стоят около магазинов. Интересный суб'ект стоит около магазина Львова. Онучи на нем гряз-

---

юношу из Евангелия, который строго исполнял все десять заповедей, но «отошел с печалью», когда Иисус ему посоветовал для полного совершенства раздать свое имущество. Иисус, как известно, тут же сделал тот, можно сказать, марксистский вывод, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное.

В виду всего вышесказанного, мы чрезвычайно удивились содержанию прокламации Пермского Комитета Р.С.-Д.Р.П., выпущенной по случаю юбилея Л. Н. Толстого. Прокламация наших пермских товарищей начинается таким образом: «Это в сущности случайное обстоятельство (юбилей) мы, русские социал-демократы, ставим в связь с великой задачей нашего времени — борьбой за политическую свободу».

Спрашивается, что общего между неуклонной антиреволюционной проповедью непротивления злу насилием и той энергической, наступательной борьбой, которая ведется русским рабочим классом за политическую свободу? Правда, что имя Толстого служило в последнее время часто поводом к политическим разговорам. Но этот факт свидетельствует только о политическом развитии русского общества, с одной стороны, и о недостаточности этого развития — с другой.

Затем указывается в той же прокламации, как на заслугу Толстого, что он призывает «к нравственному общению с богом». Нам думается, что социал-демократия, сущность которой состоит в содействии развитию сознания рабочего класса, должна обращаться к нему с ясными понятиями. Что же касается такой комбинации, как «нравственное общение с богом», то, хотя о ней рассуждали все мистики, начиная с Платона и кончая Толстым, это понятие не приобрело ни на одну иоту ясности. И не выясняется оно по той простой причине, что мистики начинают проповедывать нравственное общение с богом в тот момент, когда перестают верить в человеческий здравый рассудок. Кроме того, нам кажется, что социал-демократии вообще не следовало бы призывать имя бога всуе, т. е. не опровергая его существования. Мнимое существование властителя небес еще никогда не приносило пользы рабочему народу, а, наоборот, всегда являлось орудием в руках господствующих классов для большего угнетения неимущих. И Маркс мыслил, конечно, как революционер, когда усматривал в критике религии верный признак критики отживших общественных форм.

В прокламации наших пермских товарищей говорится также о том, что Л. Н. Толстой указал на народ как

ные, как у землекопа, казакин и картуз запачканы глиной, из-под казакина, не закрывающего колени, видны синие суконные шаровары, по которым не трудно догадаться, кто он такой. Не переодетые жандармы ходят по двое по улице, по Пушкинскому и Гоголевскому садикам. В половине первого публики на улице уж очень много. Все смотрят на полицейских приставов, раз'езжающих по улице и отдающих какие-то приказания городовым. За церковью Спаса в Сапуновском переулке спрятана рота солдат; в городской управе — несколько десятков городовых; в Кремле опять солдаты с ружьями. В публике спрашивают друг друга: «кто приехал?», «кого ждут?». В половине второго народ стал скопляться на Посольской около булочной Филиппова (близ Киевской). В это время у Калужской улицы появляется толпа рабочих с распущенными красными знаменами, на которых крупными черными и белыми буквами изображено: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует свобода!» и «Да здравствует социализм!» Далеко разносятся мощные и стройные звуки красивой песни: «ненавистен нам царский чертог»... Шествие двигается по Посольской, причем впереди идет женщина и разбрасывает направо и налево прокламации, в которых Тульский Комитет об'ясняет не знающим смысл данной демонстрации. Содержание этой прокламации приблизительно следующее: «Товарищи, сегодняшней демонстрацией мы желаем выразить протест против того строя, при котором возможны такие зверские приговоры, которые вынесены судом нашим товарищам ростовцам за участие в демонстрации 2 марта 1903 года. Пользуясь случаем, мы выражаем также сочувствие забастовавшим нашим товарищам москвичам». Далее следует подпись Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и дата 14 сентября 1903 г. Вообще прокламации, более подробно составленные, сыплются дождем и тут же подбираются народом. Вот ломовой извозчик остановил лошадь и хватает уносимую ветром прокламацию. Вот крестьянин везет воз сена, останавливает лошадь, с удивлением смотрит на происходящее и поднимает прокламацию. Люди выбегают из соседних трактиров, из дворов, открывают окна, откуда-то взявшиеся мальчишки подбирают листки и продают их публике по двугривенному, пока не попадаются в лапы городовых, а рабочая толпа продолжает свою песню свободы, — русскую марсельезу, в которой кое-где звучит тяжелая грусть: «тебе отдых одна лишь могила...». Демонстранты дошли до булочной Филиппова и решили убрать знамена и разойтись. Между тем на них уже бежали городовые с шашками наголо и с помощником пристава во главе. Произошла схватка. Раздались треск палок и звякание шашек. В свалку попала одна женщина, ее сшибли с ног; поднялась она совсем растрепанная, городовые схватили ее, но сейчас же оставили и бросились на рабочих, но из демонстрантов никого полиции арестовать не удалось. Тем с большей яростью она, упустив главный момент, бросилась на стоящую тут громадную толпу и стала выхватывать из нее отдельных лиц по указаниям сыщиков. Некоторые из толпы ожесточенно защищались и городовым несколько досталось, но, к сожалению, слишком мало. Весь остальной день полиция была на ногах, причем целыми толпами топтались по Киевской улице, поблизости от того места, где состоялась демонстрация. По всему городу целый день ходили военные патрули. Демонстрация произвела огромное впечатление на всех горожан без исключения. В самые глухие и темные щели проникли слухи и толки о демонстрации, которая в этих щелях называется «бунтом».

Таким образом, несмотря на то, что демонстрацию никак нельзя назвать грандиозной по размерам, она оказалась очень крупной по результатам, т. е. вполне удалась. Приписать ее успех нужно отчасти верным расчетам организаторов, главным же образом — смелости самих демонстрантов. Поучительность этой первой для Тулы демонстрации и для организаторов, и для демонстрантов и для всего тульского населения, которое особенно имелось в виду Комитетом, не имеет границ. Внимание и сочувствие громадного тульского населения привлечено демонстрацией 14 сентября к революционным социал-демократическим задачам и идеям всего пролетариата, чего именно и требовалось достигнуть. Нужно было, чтобы все население большого города задумалось над заявлениями: «долой самодержавие!», «да здравствует свобода!» «да здравствует революция!», «да здравствует социализм».

Арестовано в этот день 22 человека: в течение недели арестовано еще несколько человек. Вот некоторые имена: Балазин, раб.; Бузнен, раб.; Болодин, раб.; Жабров, раб.; Жилин, раб.; Игнатьев, раб.; Колесников, раб.; Кудрявцев, интел.; Луначарская, инт.; Маревский, раб.; Морозов, раб.; Рождественская Александра, инт.; Рождественская Анна, инт.; Рождественский Митрофан, инт.; Рождественский Николай, инт.; Фролов, раб.; Шпанов, инт.; Щепетева, инт.

на единственный слой, от которого должно ждать спасения. «Великий человек сам узнал выход. В народе надо искать спасения — здесь скорее поймут призывы к борьбе». Что Толстой указывает на народ как на общественный слой, в котором следует искать выхода, это справедливо; но вопрос в том, какой выход и какие элементы в народе являются спасительными с точки зрения Л. Н. Толстого. Можно указывать на народ как на спасительную силу и не только не быть защитником интересов и прав народа, а, наоборот, являться его злейшим врагом. Славянофилы [11], напр., тоже рассчитывали на русский народ как на единственную силу, призванную спасти Россию от гнилой западной цивилизации и вернуть чуть ли не все человечество в лоно истинной религии. Их привлекали в народе мистические элементы, порожденные тем невежеством, в котором русское правительство старается держать народ, тоже ожидая от него спасения.

Толстой, подобно славянофилам, ценит в народе не его способность к борьбе и свету, а его невежественную веру, тупое терпение и непомерный труд, которые должны спасти истинную христианскую веру. Блестящим доказательством этого могут служить все крестьянские положительные типы, выведенные Толстым — пилигрим Гриша, Платон Каратаев и Аким во «Власти тьмы» выражают собою те спасающие народные силы, которые дороги Л. Н. Толстому. И что же представляют собою эти типы, кроме воплощения бесконечного, позорного для человека терпения, внутреннего довольства рабским положением и невежества?

Перечисляя ужасы русского современного государства, пермские товарищи приходят к такому совершенно неожиданному заключению: «Итак, не тут ужас положения. Есть противоречие еще более мучительное — это противоречие между русским обществом и его великим сыном — Толстым». Странно. Нам кажется, что несравненно большее противоречие существует между всяким сознательным борющимся русским рабочим и царским правительством, чем между проповедником пассивности и терпения и русским правительством, которое требует того же. Учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием не только не противоречит русскому государству, а есть не что иное, как возведенное в вечный этический принцип вековое рабство.

[Ортодокс-Л. И. Аксельрод]

К делу о златоустовской бойне. (Письмо в редакцию.) Прочитав в приложении к № 48 «Искры» дело о злотоустовских беспорядках, я счел своим долгом внести некоторые «поправки» в правительственную «правду» об этом деле.

Правительству во что бы то ни стало нужно было придать учиненному им побоищу мирных граждан характер вооруженного сопротивления. И вот на стороне властей оказываются двое раненых: жандармский унтер-офицер (фамилия...) и помощник исправника (фамилия...). Между тем я слышал от целого ряда лиц, занимающих в Златоусте и в уездах официальное положение, что упомянутые герои были ранены следующим образом. Когда Богданович выходил из дома горного начальника к толпе, то, отворяя дверь, ведущую в сени, он нечаянно ударил ею жандармского унтер-офицера по скуле; что же касается «огнестрельной» раны г-на помощника исправника, то, чтобы установить ее, пришлось проделать следующие перипетии. Сей г-н является к видному врачу г. Златоуста, просит осмотреть палец и выдать ему свидетельство в том, что рана огнестрельная. Осмотрев рану, врач заявил, что она могла быть причинена чем угодно, — «могли расковырять», будто бы заявил он даже, — и в просимом свидетельстве отказал. «Раненый» отправляется к другому — с той же просьбой.

— Может-быть, пуля, а может-быть, и не пуля могла причинить вам эту рану, — ответил врач.

— Следовательно, может-быть и пуля? — переспросил обрадованный помощник пристава.

— Может-быть, — ответил врач.

— Ну, так вы так и напишите.

Врач спроста написал, что рана могла быть причинена и пулей. Но когда он затем узнал, — наивный человек — какой ход дается его свидетельству и какой отзыв дал до него его коллега, он решил на суде исправить свою ошибку...

Таковы «раненые» сопротивлявшейся толпой. Факты эти рассказаны были мне лично несколькими лицами, занимающими совершенно различное официальное положение, и без всякого стеснения со всеми подробностями были рассказываемы в обществе.

Уфа. В конце июля новый помпадур Соколовский начал об'езжать «вверенную» ему губернию. Прежде всего он отправился в Златоуст. На площади, которая четырьмя месяцами раньше была обагрена кровью рабочих, он собрал златоустовских рабочих и стал на них кричать, требуя, во-первых, чтобы во всех случаях недовольства заводоуправлением они обращались непосредственно к нему и, во-вторых, чтобы не слушали бунтарей, а выдавали их полиции, при сопротивлении же — убивали. Присутствовавшие при этом уверяют, что его превосходительство изволил во время речи шесть раз употребить трехэтажные выражения. Мы этому охотно верим, ибо и здесь уже, в Уфе, он неоднократно дрался с извозчиками и городовыми. — Жены некоторых убитых и заключенных в тюрьму рабочих подавали в Златоусте губернатору прошения о пособии, но получили грубый отказ.

Одним из ближайших результатов убийства Богдановича является учреждение в Уфе охранного отделения. Число шпионов и жандармов сильно возросло. В июле был произведен, по приказу из Питера, обыск у доктора Шмитца. Ничего не нашли. В августе по доносу квартирохозяина арестован один железнодорожный рабочий.

Настроение наших властей — до последней степени возбужденное и нервное. До чего боятся они теперь рабочих, видно, между прочим, из следующего маленького инцидента. 14 июня в мастерской Берштейна (60 раб.) была распространена прокламация, приглашавшая рабочих к забастовке; выставлены следующие требования: 1) повышение заработной платы; 2) улучшение пищи и содержания квартир (почти все рабочие живут на хозяйских харчах и в хозяйских помещениях); 3) уничтожение производства штрафов и 4) вежливое обращение мастера с рабочими. Стачка не состоялась, но тем не менее требования все были в той или иной мере удовлетворены: на этом настояли фабричные инспектора и полицмейстер, поспешив нанести визит г. Берштейну. В августе мес. в горно-промышленном заводе и в железнодор. мастерских была распространена прокламация по поводу неудавшейся стачки и событий на юге. Одновременно был арестован рабочий жел.-дор. мастерских Селезнов, у которого, говорят, нашли прокламации. Около 10 сентября были обыски у прис. повер. Леудонского и у 6 рабочих. Никто не взят. Наконец, в ночь на 20 сентября арестованы: помощник секретаря губернской земской управы П. Н. Григорьев, статистик С. Ф. Горденин, служащий губземуправы В. А. Клюев, служ. губ. акц. управл. Н. Г. Вагин. Вместе с Клюевым арестован на вокзале железнодорожный служащий. Вообще после убийства Богдановича аресты сыплются, как из рога изобилия. Да и не мудрено: надо же охранному отделению, в распоряжении которого состоит целая организация шпионов, как-нибудь оправдать свое существование. Можно смело сказать, что на каждого работающего приходится по 2 шпиона. Недаром же говорят, что содержать охранное отделение стоит 20 тысяч рублей в год. До чего однако бессмысленны и случайны эти обыски и аресты, видно из того, что ни у кого, за исключением Селезнева, ничего не найдено. Последние 5 арестов можно об'яснить стремлением администрации «очистить» город, хотя бы на время суда над златоустовскими рабочими. Видя, что сыск мало помогает делу, охр. отделение старается развести провокатуру. Так, теперь уже с достоверностью можно сказать, что рабочий жел.-дор. мастерских Иванов — провокатор. На-днях начальник охр. отд. посетил служащего электрической станции А. Л. Брайде (еврей), у которого был обыск одновременно с последними арестами и который несколько раньше едва не был выслан из Уфы. Теперь ему заявлено, что от характера показаний, которые он даст на предстоящем допросе, будет зависеть, останется ли он в Уфе, или нет, так как-де охранн. отделению известно кое-что об его участии в «организации» (?). Сношения с рабочими стали очень затруднительны, так как почти в каждом квартале есть «свой» шпик, да и дворникам даны надлежащие инструкции. Обыватели также ропщут на новые порядки — да и кому же понравится постоянное шныряние полиции по квартирам. Это — затея нового помпадура: учрежден адресный стол, почему и требуется неукоснительно исполнять правила по прописке вида каждого, чего здесь сроду не было.

26 сентября арестованы и на другой день высланы по этапу делопроизводитель страхового отделения губ. зем. управы Ильинский, заведующий оценочным отделением Бриллинг. На 5 лет в Архангельскую губ. сослан пом. прис. повер. Синицын. Днем или двумя позднее выслан на два года из пределов Уфимской и смежных с ней губерний агент страх. общ. «Надежда» Козлов. Синицын, по общему мнению, выслан за организацию защиты златоустовских рабочих. Говорят, губернатор имеет большие полномочия и обещает не церемониться ни с кем: вышвырнет из суда всякого, кто только посмеет пикнуть, как он сам выразился. Уфимцы в напряженном ожидании златоустовского процесса. В «Уфим. Губ. Ведомостях» от 30 сентября опубликовано обязательное постановление губернатора, воспрещающее сходбища, грозящее сугубыми карами за неподчинение полиции, запрещающее ношение огнестрельного и холодного оружия. Власти готовятся к позорному царскому суду!

Волнения в Закавказье по поводу передачи в ведение казны армянских церковных имуществ не прекращаются. Потерпев крупные неудачи в городах, где только благодаря физической силе удалось отобрать документы и денежные суммы некоторых церквей, встречая везде вооруженные сопротивления со стороны народа, правительство решило приступить и к Эчмиадзину, резиденции католикоса. Предварительно вся окрестность была заполнена войсками всех родов оружия, были арестованы мало-мальски подозрительные лица, всюду разосланы армии шпионов; все дороги, ведущие в Эчмиадзин, тщательно охранялись. Комиссия по приему имущества под охраной двух сотен казаков, роты солдат и стражников явилась к осажденному в своем монастыре католикосу за разрешением. Как бы циничны ни были служители самодержавия, им все же неловко было без получения согласия главы церкви, выбранного всем народом, приступить к выполнению своей хищнической миссии. Католикос принял их весьма торжественно и на просьбу их дать свое согласие

ответил: «Согласно присяге быть верным царю, я не могу отказать: но, согласно также присяге в верности своему народу, не могу передать». С этими словами он вышел из залы.

Не зная, что предпринять в самом Эчмиадзине, комиссия с вооруженной свитой направилась в соседние деревни, надеясь хоть там, путем угрозы, заставить подчиниться царской воле. Прибыв в село Ошакан, председатель комиссии, некто Виц, обратился к собравшемуся народу с сладкими речами, где указывал на пользу, которую армянская церковь получит от этой царской милости, благодаря умелому и добросовестному управлению, и кончил предложением поскорее передать имеющиеся имущество и деньги. Собравшиеся ему ответили, что, пока не будет разрешения от католикоса, никакой передачи не состоится. Видя, что мирные речи не производят никакого впечатления, он обратился к ктитору с требованием и с угрозами. Присутствовавший уездный начальник не замедлил сам вмешаться и даже дал последнему несколько пощечин. Но ничего не помогло. Арестовав ктитора и не добившись ничего, комиссия направилась в Аштарак (другое соседнее село). Наученные горьким опытом, что с народом ладить не легко, приемщики вызвали сельского старшину и потребовали ключей и документов. Тот, вместо ответа, снял с шеи свою цепь, передал ее уездному начальнику и отказался от должности. Несмотря на побои, он совершенно отказался подписаться под предлагаемыми ему протоколами. Такова же была встреча, оказанная царским чиновникам и в других деревнях. Вернувшись после такой неудачи снова в Эчмиадзин, комиссия на вторичную свою просьбу передать ей ключи от кассы, которые хранились у католикоса, получила отказ. Тогда, опечатавши кассу и составив протокол, она направилась в Эривань, где до сих пор бездействует. Что будет дальше — трудно угадать.

Но этими силами, находящимися под влиянием Эчмиадзина, не ограничивается оппозиция со стороны крестьян к исполнению закона 12 июня. Правительственная комиссия везде встречала возбужденную толпу, нежелание со стороны заведующих имуществами добровольно их передать, запертые церковные ворота и т. д. К этим протестам прибавилось еще негодование по поводу зверских убийств в Елизаветполе, Тифлисе, Баку, Карсе и др. городах Закавказья. Так, почти во всех деревнях Лорийского уезда были отслужены демонстративные панихиды по убитым во время последних событий, после которых провозглашалась анафема правительству, говорились речи, пелись национальные революционные песни. В некоторых местах были стычки с полицией. Например, в Джалалоглах хотели арестовать агитатора, но толпа отбила его силой, и он свободно направился продолжать свою работу в соседние села. Народные собрания, митинги в церквах сделались обычным явлением: в Ахалцыхском уезде собрания крестьян выносили резолюции о необходимости сопротивляться и, выбрав многочисленную делегацию, отправляли в город. Таким путем к 24 августа в городе собралась толпа в несколько тысяч человек, которая устроила в воскресенье митинг в церкви. Произносились зажигательные речи, покрываемые единодушными криками толпы: «Скорее умрем, чем допустим попирание наших прав!». Тут же приготовлена была петиция к католикосу, под которой подписалось около 10.000 челов. После такой широкой агитации неудивительно, что прием, оказанный чиновникам даже в самых глухих местах, был крайне враждебный. Там же, где кто-нибудь из сельчан, или в особенности священники, оказывали то или иное содействие комиссии, они подвергались жестоким побоям. Народ широко пользовался правом прогонять попов, и из нескольких сел уже изгнаны провинившиеся.

Довольно интересный инцидент был в Нахичевани-на-Дону во время приема имущества. Попечители, состоявшие из местных тузов, спокойно передавали комиссии счета и бумаги, когда громадная толпа, собравшаяся около церкви, выгнала из нее комиссию и своих толстосумов, отобрала у них ключи, заперла церковь и упорно не хотела разойтись, пока не прибыла военная сила. Прием имуществ не мог состояться.

Бывали случаи и отдельных убийств лиц, передающих добровольно вверенные им имущества комиссии. Так, в Эчмиадзине по решению, как сообщают, «Местного Армянского Комитета Самообороны», убит в воскресенье 5 сентября при громадном стечении народа один из подписавшихся под протоколом комиссии армянин Потоян, революционером из националистической партии «Дрошакистов»[12] Погосяном. Сам Погосян, видя невозможность спастись от преследующей его полиции, заколол себя. В селе Гутугули 15 сентября четырьмя револьверными выстрелами смертельно ранен священник Тер Гарегин, который явно занимался предательством. Убиты также стражник в Аштараке и городовой Дардиманов в Александрополе за шпионство. Там же убит русский священник Васильев за то, что грозил начать проповеди на русском языке в главном армянском соборе.

Одной из мер, принятых правительством для усмирения края, было об'явление о введении усиленной охраны еще в четырех гор. Закавказья: Шуше, Нухе, Карсе и Елизаветполе. Старое, но мало помогающее средство! Была и другая, весьма интересная мера: 6 сентября на улицах Тифлиса на двух языках (русском и армянском) была расклеена прокламация без подписи и заголовка. Она вывешена была и в полицейских участках. Цензор не разрешил ее перепечатать в газетах, да и сама прокламация на другой день была сорвана и до сих пор нигде вновь не появлялась. Вот текст этой прокламации, показывающей, что даже наше правительство поняло, что нельзя подавить народное движение физической силой, и начинает прибегать к «идейной» агитации: «В последнее время среди армянского населения Тифл. губ. злонамеренными людьми стали распространяться ложные сведения, чтобы посеять смуту. Эти лица стараются уверить население, что правительство хочет будто бы принять имущество армянских церквей, отобрав в свою пользу; что правительство собирается обратить всех армян в православную веру. Все эти слухи совершенно ложны и распространяются людьми злонамеренными для того, чтобы, во-первых, посеять среди темного народа смуту и беспорядки, могущие привести его к несчастью; во-вторых, при казенном хозяйственном управлении им нельзя будет без контроля правительства пользоваться этими имуществами. Во всей России, как государстве, где существуют и католики, и протестанты и магометане, ни католическое ни магометанское духовенство не управляют имениями своих храмов без правительственного надзора; но католики, магометане и протестанты имеют свои храмы, строят их, украшают их, исповедуют веру по своим церковным правилам и обрядам. Кому из армян не известны случаи споров и недоразумений по поводу управления церковными имуществами? Всех этих споров и недоразумений не будет с переходом армянских церковных имуществ в казну. Неверно утверждают злонамеренные люди, будто правительство совсем хочет отнять имущество у армянских церквей и монастырей. Казна только будет управлять всеми армянскими и церковными имениями, но все доходы с оных имений будут итти в пользу армянских церквей и монастырей. У казны будет это имущество гораздо целее, чем теперь. Всем хорошо известно, что никто никогда и ничего не терял, когда сдавал свое имущество на хранение казне». Сколько лжи и лицемерия! Видно, правительство постеснялось этой лжи, что не подписалось под прокламацией и не позволило перепечатать ее в газетах!

Совет предпринимателей. 9 июля с. г. заседало в С.-Петербурге «совещание представителей бумагопрядильных и ткацких фабрик». Главной темой обсуждения был вопрос о «сокращении часов работы по субботам на бумагопрядильных и ткацких фабриках с отпуском рабочих ранее, не делая обеденного перерыва». Присутствовали на совещании, кроме председателя общества Глезмера и членов совета: Веге, Кошурникова и Лебедева, след. представители от фабрик: Дуррандо и Бирс (Компания Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, и Товарищество Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры), Паль (Акционерн. общество Александро-Невской мануфактуры), Воронин и Скосырев (Акционерное об-ство мануфактур Воронин, Лютисш и Чешер), Трейсман (Товар. Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры), Говард (Тов. «Нов. бумагопрядильни»), Пель (Тов. Охтенской бумагопр.) и Леонтьев (Товар. Российск. бумагопрядильной мануфактуры и Товар. ситценаб. фабрики бр. Леонтьевых).

Из опроса представителей выяснилось, что на некоторых мануфактурах уже теперь работы прекращаются по субботам в 5, в 4 и даже в 3 часа. Тем не менее после обмена мнений совещание пришло к тому выводу, «что ранее произведенное сокращение рабочего дня с 13 на 11½ час. не привело к ожидавшемуся результату — увеличению интенсивности работы — и на самом деле отразилось неблагоприятно на количестве производства; рабочая плата по отношению к производству увеличилась около 7%». Из этого опыта совещание делает следующий вывод: «В виду того, что есть основание предполагать дальнейшее сокращение часов работы вообще до 10 часов и что соответственно таким же образом для наверстания заработка возвысится дневная плата, необходимо отнестись и ныне к предлагаемому вопросу осмотрительно».

Итак, очевидно, сокращение субботнего рабочего дня окажется невозможным, потому что, как показал опыт, такого рода сокращение не сопровождается ростом интенсивности труда и фабриканты терпят «убытки». При переходе от 13 час. к 11½ заработная плата увеличилась относительно производства на 7%. Каким образом произошло это странное «увеличение»? Повидимому, «относительное увеличение» означает, что при том же заработке количество выработки при новом рабочем дне уменьшилось приблизительно на 7%; между тем рабочий день сократился на 11½% (с 13 до 11½ час.), откуда же взялась эта разница % или относительное увеличение производства? Очевидно только от роста интенсивности труда. Но г.г. фабриканты только тогда замечают рост интенсивности, когда вместе с нею растет абсолютная сумма барышей. По свойственной русским Тит Титычам хозяйственной близорукости и несообразительности они не понимают, что правильное соотношение между ростом интенсивности труда и сокращением рабочего дня возможно только при наличности известного уровня заработной платы, уровня, позволяющего рабочему пополнить все затраченные на работе силы. При нашей же низкой заработной плате в текстильной промышленности рабочий абсолютно не в силах восстановить истраченную энергию и вынужден разрушать свое здоровье на пользу фабриканта. Редкий рабочий в этой промышленности доживает до преклонного возраста. Где же взять сил для повышенной интенсивности?

Однако г.г. фабрикантам до этого дела мало, и они выносят по вопросу о сокращении субботнего рабочего дня след. постановление: «На основании всего изложенного, совещание постановило приступить осенью, с октября, к подробной разработке вопроса с тем, чтобы окончательно подготовить общее решение к 1 января 1904 г. До сего срока никаких решений по данному вопросу не предпринимать без предварительного взаимного о сем извещения».

Второй вопрос, выдвинутый совещанием, заслуживает особого нашего внимания: это вопрос об «аттестации» рабочих. В целях бойкота политически неблагонадежных элементов среди рабочих, совещание решило рассмотреть некоторые из существующих систем, как-то: систему книжек (существующую уже в Варшаве), систему конфиденциальных списков в обществе, сношения между фирмами посредством писем и т. п.

Наконец, третий пункт касается нового закона о старостах, относительно которого постановлено просить Совет общества: 1) выяснить, с какого срока вводится этот закон, 2) разработать однообразные для всех однородных фабрик разряды по специальностям, 3) выработать совместно и солидарно с фабричной инспекцией правила для старост. Кроме того, решено «выработать коллективное заявление о некоторых практических неудобствах этого учреждения, заставляющих фабрикантов уклоняться от его введения».

Эта боевая организация фабрикантов должна побудить и рабочих к такой же организации. Бойкоту неблагонадежных рабочих со стороны предпринимателей рабочие должны противопоставить свое оружие — стачки; солидарность, существующая между фабрикантами, должна только расширить предел стачек, превращая их из частных стачек на отдельных ф-ках в общие стачки в целых отраслях промышленности. И в этих стачках одно из центральных мест должна занять борьба против «аттестатов», против «черных листов», стремящихся парализовать революционное движение в самом корне.

К сведению и руководству.

Секретно.
Циркулярно.

М. В. Д.

Департамент полиции
По особому отделу.
26 мая 1903 г.
№ 5003.

Гг. губернаторам, градоначальник., обер-полицеймейст. нач. жандарм. губернск. и железнодор. полиц. упр., начальникам охранных отделений и на все пограничные пункты.

Производящимся предварительным следствием по делу об убийстве уфимского губернатора принимаются меры к установлению личности убийцы действ. ст. сов. Богдановича, а равно лиц, прикосновенных к означенному преступлению, с каковой целью начальник уфимского губернского жандармского управления, а также командированным по сему делу в г. Уфу отдельного корпуса жандармов ротмистром Бобровым посылаются отдельные требования для производства следственных действий в разных местностях империи.

Принимая во внимание, что означенное следствие может достигнуть благоприятных результатов лишь при совместной деятельности всех розыскных организаций, департамент полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти не отказать в распоряжении, чтобы, в случае получения отдельных требований из Уфы от лиц, производящих следствие по вышеуказанному делу, принимались безотлагательно все зависящие меры к немедленному исполнению указанных в телеграммах следственных действий.

Подписал: за директора Зуев. Скрепил: за заведующего отделом Пешков. Верно: Помощн. дел. Саргани.

Заголовок тот же, от 22 мая 1903 г. за № 4896.

Отбывавшие наказание на каторге в Нерчинском заводе государственные преступники: бывший воспитанник ковенской фельдшерской школы, из мещан г. Углича, Николай Иванов Кочурихин и бывший дворянин г. Кейданы, Ковенской губ., Бронислав Александров Славинский, 15 мая 1903 г. бежали с каторги... Арестовать и препроводить под конвоем в распоряжение начальника Нерчинской каторги (Горный Зерентуй, Забайкальской области). Подп. дир. департ. Лопухин. Скрепил: за завед. отд. Пешков. Верно: помощн. дел. Саргани.

Заголовок тот же, от 1 мая 1903 г., № 4000.

Департамент полиции покорнейше просит подлежащие власти принять меры к выяснению места жительства возврат. из-за границы рисовальщика в типографии Верейского, Моск. губ. мещанина Пантелеймона Иванова Нечаева и по обнаружении его установить за деятельностью его и сношениями тщательное секретное наблюдение, уведомить о сем департамент.

На основании высочайшего повеления, последовавшего в 26 день декабря 1902 г., разыскиваемая циркуляром от 1 ноября 1902 г. за № 6900 австрийская подданная Софья Киприянова-Ясинская подлежит высылке, в качестве неблагонадежной иностранки, безвозвратно за границу...

Указанный в циркуляре от 1 января 1903 г. за № 1 адрес: «угол 2-й Солдатской и Трехбратского пер., д. № 48» относится к г. Смоленску.

Подписал: за дир. Языков. Скрепил: за зав. отд. Пешков.

Список № 1*

лиц, подлежащих розыску по делам политическим.

1. Аксаметник, Мордух Давидов; 2. Аншкеневич, Вольдемар Янов, ос.; 3. Бам, Вульф Ицков, гл.; 4. Батушонский,

---

* Все поименованные лица подлежат аресту, за исключением тех лиц, против фамилий которых стоят буквы: **ос.** (подвергнуть особому надзору), **гл.** (подвергнуть гласному надзору) или **негл.** (подвергнуть негласному надзору).
(Ред.).

Берко Яковлев, ос.; 5. Бегун, Арон Янкелев; 6. Борисенко, Николай Калинников, ос.; 7. Бродский, Ицко-Герш-Хаим Шулимов, ос.; 8. Вайнштейн, Арон Ицков; 9. Векслер, Лейба Сроль Мовшев; 10. Винников, Нохим Шаев, гл.; 11. Галкин, Владимир (в иудействе Исаак) Филиппов; 12. Гатовский, Гирш Вульф Янкелев (он же Гирш Абрамов Розин); 13. Гинзбург, Абрам-Бер Беньяминов, гл.; 14. Гольдфарб, Пельта Борухов, ос.; 15. Горовиц, Башева Шефтелев, 16. Гофман, Кусель Шевелев; 17. Гралляк, Станислав Юзефов; 18. Громов, Василий Филиппов; 19. Добржонский, Мовша Нохимов; 20. Дросио, Георгий Поликарп Викентьев; 21. Эпельбейм, Элиезер (Лейзер) Герцев; 22. Жогло, Алекс. Владиславов; 23. Заионч ковский, Антон-Николай Густавов, д-р мед.; 24. Залмонзон, Берель Лейбов, ос. 25. Засловская, она же Кудрявцева, Раиса Павловна; 26. Зевина, Хана (Анна) Берковна; 27. Зусьмонович, Зельмон Меер.; 28. Иванова, Зоя Петровна; 29. Ивлиев, Василий Иванов; 30. Каган, Танхум Янкелев; 31. Коазоков, Иван Ефимов; 32. Контер, Ицко-Исаак Михелев; 33. Каспоров, Соркись Григорьев; 34. Кац, Мовша Мейлохов; 35. Качев, Мовша Ицков, ос.; 36. Кедрова, рожд. Дидрикиль, Ольга Август.; 37. Кедров, Михаил Сергеев (муж № 36), ос.; 38. Кессель, Бейла Пейсоховна, ос.; 39. Ковальчик, Владислав, ос. 40. Костовский, Мойша Борухов; 41. Котов, он же Климов, Николай Иванов; 42. Кремер, Ицка Янкелев; 43. Круликовский, Стефан Александров; 44. Кузнецова, Мария Ильина; 45. Кучменко, Пантелеймон Иосифов; 46. Липинский, Осип Иванов, ос.; 47. Литвиненко, Степан Зиновьев; 48. Лущенко, Николай Николаев; 49. Моркон, Ида Моисеевна, ос.; 50. Морозов, Петр Иванов, ос.; 51. Музылев, Тихон Петров; 52. Нагли, Абрам-Гирш Мееров, негл.; 53. Оленин, Михаил Васильев; 54. Пайкин, Юдель Здидов; 55. Пейсахзон, Исаак-Мордко Юдов; 56. Пиротинская, Фрейда Берковна, ос.; 57. Поляков, Иосиф Абрамов; 58. Ризник, Исаак-Абрам Хацкелевич, гл.; 59. Родин, Мовша Иоселев, гл.; 60. Рымирмон, Лейвик Берков, гл.; 61. Свержонская, Брайна Лейбовна, ос.; 62. Сегаль, Абрам Носелев, 63. Скоробоготько, Петр Иванов; 64. Сольц, Арон-Юдель Александров; 65. Станкевич, Александр-Циприян Викторов, ос.; 66. Стурто, Иван Федоров, ос.; 67. Сутковой, Александр Григорьев; 68. Таратута, Рухля Гершкова; 69. Теппер, Кальмон Иоселев; 70. Федоров, Прокопий Федоров; 71. Фельдман, Мошко Мееров; 72. Феркель, Александр Давидов Лейбов, ос.; 73. Фрейдин, Ефрем Израилев, негл. и ос.; 74. Фурмон, Евсей-Зискинд Ицков, ос.; 75. Хонин, Хаим-Дувид Симонов; 76. Черняк, Ицко Мордухов ос.; 77. Ческис, Борух (Борис Бенцион Аоронов ... известен был в одесской группе соц.-рев. под именем «Борис» и «Костя» ...); 78. Шапиро, Гнеся Мовшевна; 79. Шапиро, Самуил Давидов; 80. Швальберг, Арон Менделев, ос.; 81. Шкоровский, Дувид Нунилов, ос.; 82. Шнейдер, Залмон Гиршев; 83. Шницер, Эстер Абрамов, ос.

За зав. отд. Пешков.

М. В. Д. Секретно.
Департамент полиции Циркулярно.
По особому отделу.
1 июня 1903 г.
№ 5200.

Гг. губернаторам, градоначальник., обер-полицеймейст., нач. жандармск. губернск. и ж.-д. полиц. упр. нач. охр. отд. и на все пограничн. пункты.

Департамент полиции, препровождая при сем для зависящих распоряжений список разыскиваемых лиц и список лиц, розыск которых надлежит прекратить, имеет честь покорнейше просить подлежащие власти, в случае обнаружения кого-либо из упомянутых в первом списке лиц или получения указаний, могущих содействовать розыску их, уведомить о сем департамент.

... У одного из лиц, привлеченных к дознанию при киевском губ. жанд. упр. по обвинению в государственном преступлении, были обнаружены, между прочим, два следующие адреса: «Новая дорога, Садковская ул., соб. дом» и «Бендерская и Гостиная, д. Малятора, 50». В виду сего деп. просит принять меры к установлению, к какому именно городу могут относиться указанные адреса, и о последующем уведомить.

Упомянутую в циркуляре от 1 апреля 1903 г. за № 3300 павлоградскую мещанку Хаю-Рохиль Фрайвелеву Финкельштейн надлежит, по обнаружении ее местопребывания, обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника жанд. управл. г. Одессы, о чем уведомить департамент полиции.

В виду облегчения розыска, при сем рассылается фотографическая карточка, в двух видах, помещенного в циркуляре от 1 января и 1 октября 1902 г. за №№ 111 и 6200 дворянина Михаила Николаева Леман.

Подп. дир. Лопухин. Скрепил: за завед. Пешков.

Список

лиц, подлежащих розыску по делам политическим.

1. Акелайтис, он же Акелевич, Иосиф-Антон Адамов; 2. Алексеенков, Павел Иванов, ос.; 3. Антропов, Сергей Васильев, арест... обратить особое внимание; 4. Беднорчик, Алекс. Юзефов; 5. Беркович, Эсниель, Моисеев, ос.; 6. Бирк, Мовша Ицков-Лейбов; 7. Волсер, Моисей Яковлев, ос.; 8. Гамгонидзе, Георгий; 9. Гешчашвили, Филлип Гаврилов, ос.; 10. Гурвич, Мордух-Илья Мовшев-Мозеров, ос.; 11. Дризд, Лейба Шлемов, ос.; 12. Евдокимов, Алекс. Андреев; 13. Избицкий, Уосель Мордухов; 14. Индлин, Давид Сендеров; 15. Каган, Абрам-Мовша Мейлохов, ос.; 16. Каминский, Фортунат Викторов, ос.; 17. Кон, она же Каган, Шевка Шемелева; 18. Левондовский, Адольф Петров, ос.; 19. Лейченко, Эстер Ирцева; 20. Лившиц, Анна Моисеевна, ос.; 21. Миллер, Павел Людвигов, инж. пут. сообщ.; 22. Нерсесов, Акон Арутюнов; 23. Ногин, Виктор Павлов, арест... обратить особое внимание; 24. Пикерский, Эля-Хойкель Ариев-Лейбов, ос.; 25. Плоткин, Лозорь Гиршов, ос.; 26. Подольмон, Кольмон-Элиев, ос.; 27. Рензин, Лейба-Эльев; 28. Родионов, Василий Анатолиев; 29. Рубинович (Рубонович) Элья Адольфов, фр. под.; 30. Скрыпниченко, Лавр. Ив., ос.; 31. Тимашев, Павел Степанов., ос.; 32. Тржцинский, Брон. Людв., ос.; 33. Фейгельштейн, Цодик Михелев, ос.; 34. Фрейгин, Нохим Гиршев, ос.; 35. Хитрик, Гирш Авсеев, ос.; 36. Хируг, он же Клячкий, Шимель-Давид Лейбов; 37. Цветков, Владимир Петров, ос.; 38. Чайников, Тимофей второй Лукин, ос.; 39. Чипек, Хаим Израилев, ос.; 40. Шварц, Ицко Срулев, ос. гл.; Шустер, Рубин-Рафаилов Целюхов; 42. Эткин, Мовша Мордухов, ос.

За завед. отд. Пешков.

Приложение к списку № 1 от 1 июня 1903 г. за № 5200.

1. Александров, Иван Платонович, ос.; 2. Батырев, Валентин Ив.; 3. Богданов, Григ. Викт., ос.; 4. Глотов, Яков Александрович; 5. Глушицкий, Вас. Антон., ос.; 6. Дрозник, Изр. Давид. Ицков, ос.; 7. Залманов, Мендель Моисеев; 8. Кальварийский, он же Морксон, Хемия Юделев; 9. Кестер, Микель Микелев, ос.; 10. Кравченко, Яков Георгиевич, ос.; 11. Маронин, Федор Петр., по обнаружении местожительства уведомить департамент; 12. Соболь, Шая Михелев, ос.; 13. Трейберг, Сруль Абрамов, ос.; 14. Фель, Ицко Абрамов, ос.; 15. Хитров, Иван Вас.; 16. Шварц, Илья Март., ос.

За завед. отд. Пешков.

М. В. Д. Секретно.
Департамент Полиции Циркулярно.
По III Делопроизвод.
3 июня 1903 г.
№ 8015.

Гг. губ., градонач., обер-полиц., нач. жанд., губ. и жел.-дор. полиц. упр. и во все погр. пункты.

По сообщению начальника Петровского губернского жандармского упр. в ночь с 8—9 мая в дер. Домброво, Петроковской губ., на механическо-литейном заводе «Огниск» неизвестными злоумышленниками была разломана дверь конторы и похищены 24 паспорта рабочих, выданные разными учреждениями на имя крестьян: 1. Гмины Поремба Матеуша Голя, 2) Стагницкого у. Ивана Дулинского, 3) Гинчаковского у. Августа Цирляка, 4) Ченстоховского у. Блоссжея Зембы, 5) Бендинского у. Юлиана Невроза, 6) Стопницкого у. Войцеха Счеснека, 7) Генриха Легомского, 8) не разобр., 9) Келецкой губ. Феликса Леха, 10) Стопницкого у. Ивана Петровского, 11) Олькушевского у. Лукаша Гадека,

12) австрийского подданн. Бронислава Маевского, 13) Меховского у. Петра Плютецкого, 14) Бендинского у. Леопольда Вольфа, 15) Стонницкого у. Ивана Клепого, 16) Мацея Дворака, 17) Оронца Друждзь, 18) Томаша Очковского, 19) Вогоцлавского у. Станислава Пятлциса, 20) Андреевского у. Людвига Прокма, 21) Сигизмунда Герша, 22) Томаша Соха, 23) Воинский билет Ивана Редащо и 24) Станислава Щепонского.

Кроме того по сообщению того же начальника, в ночь с 13 на 14 мая у дорожного сторожа при станции Заверце Варшаво-Венской ж.-д. похищено 9 паспортных бессрочных книжек, выданных: 1) Петроковской губ. и у. д. Юзербвы Антону Влоку, 2) Казимиру Оляско, 3) Яну Кукульскому, 4) д. Рузин Яну Рукинскому, 5) д. Сладовице Вдаму Мозбиру, 6) Петру Лотомцу, 7) Августу Нильднеру, 8) Новорадомского у. Антону Гругейцогу, 9) Всющовского у. Антону Писарскому.

Принимая во внимание что означенными документами могут воспользоваться неблагонадежные лица для преступных целей, деп. пол. просит подлежащие власти принять зависящие меры к розыску документов и в случае обнаружения лиц с обозначенными документами задержать, принять меры к установлению их самоличности, уведомив о сем деп.

Подп. дир. деп. Лопухин.
Скреп. делопр. Лемтюжников.

Одесса *. В течение последних месяцев, сидящие в Одесской тюрьме ведут непрывную борьбу с тюремной администрацией, которая употребляет все усилия, чтобы сделать жизнь политических невыносимой. «Приходится следить в оба, — пишет один из наших корреспондентов, — чтобы сохранить тот режим, который установился здесь после долгой и тяжелой борьбы. Немало сил и времени отнимает такая мелкая, ежечасная борьба со всеми этими солдатами, продавшими свою душу за мундир. Но иначе нельзя. Стоит пропустить без протеста малейшее поползновение их на наши права, как грубость, всяческие стеснения и самый бесцеремонный произвол начинают давить вас как мертвая петля».

18 августа в тюрьме произошло страшное избиение политических. Дело произошло так. Один из заключенных, 17-летний юноша, на прогулке вынул красный платок и начал им размахивать. Его посадили на 2 дня в карцер. Остальные заключенные, узнав об этом, отрядили одного из заключенных в контору с требованием, чтобы заключенный в карцер был выпущен в виду того, что не имеет никакого смысла сажать в карцер за такие пустяки. Начальник тюрьмы ответил, что ему нет дела до мнения политических. Тогда все решили протестовать. Единственным средством протеста был стук. Но, как только начался стук, в камеры ворвалась стая надзирателей, во главе с начальником, — и началось избиение. Били кулаками, ногами, веревками, шашками, душили и били головой об стену... А затем всех связали. Многих избили до полусмерти, и они до следующего дня оставались в бессознательном состоянии. Все это происходило часов в 8—9 вечера, а в 12 часов в тюрьму явились градоначальник и прокурор и обошли камеры. На все заявления избитых, которых тут уж развязали, они отвечали фразами вроде: «это еще мало, вас нужно еще и убивать» или «за то, что вы сделали, и вас можно немножко обидеть». Через два дня у всех избитых (около 40 чел.) были отняты письменные принадлежности и им было об'явлено, что они лишаются свиданий на 2—3 недели.

Рига. 17 августа у нас произошла небольшая демонстрация. В этот день отправлялась на место ссылки (в Сибирь) партия политических (латышей и евреев) около 10 человек. Ко времени прибытия партии на вокзал около него собралась толпа около 200 чел., по преимуществу латышских рабочих. При появлении высылаемых толпа, окружив конвой, приветствовала товарищей криками: «ура» и «долой самодержавие!» Немногочисленная полиция, пытавшаяся разогнать демонстрантов, была отброшена, и толпа, выломав двери вокзала, прорвалась на платформу, где ее встретили станционные жандармы с обнаженными шашками. Произошла схватка. Жандармы рубили безоружную толпу шашками, рабочие защищались кулаками и палками. После непродолжительного сопротивления толпа была рассеяна. Несколько рабочих были ранены шашками, сильно избит городовой и жандарм, основательно помяли жандармского офицера, спасшегося только благодаря быстроте ног; произведено несколько арестов.

---

* Опоздало по недостатку места.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Новая мера «пресечения» — высылка за границу, недавно введенная русским правительством в Финляндии, практикуется очень широко. В последнее время высланы таким порядком: бывш. асессор абоского гофгерихта Лундениус, д-р фил. А. Неовиус (один из редакторов закрытой в 1900 г. газеты «Nya Pressen»), уволенный весной т. г. бургомистр г. Ловизы Г. Кулефельт, бывш. нотариус выборгского гофгерихта В. Фругельм, один из самых крупных финляндских землевладельцев гр. Г. Ф. Креутц и его сын студент К. Г. Креутц, управляющий одним имением близ г. Борго Н. Монссон (шведский подданный), редактор Сундблюм, отставной капитан К. Фрасер (владелец гостиницы на Иматре) и отставной фискал выборгского гофгерихта Бромс. Уже из этого списка видно, что перечисленные лица ничего не могут иметь общего с т. наз. «кагалом» и подпольной агитацией. По большей части это бывшие финляндские чиновники, уже пострадавшие за свой протест против нарушения конституции русским правительством. Теперь они подверглись вторичной каре. Высылки сопровождались тщательным обыском. В легальных газетах писать о них воспрещается, поэтому появлялись только лаконические заметки: «За границу!» «N.N. в течение семи дней выезжает за границу». Эмигрировавший за границу бывший домпробст (духовный сановник) А. В. Валлин подал финляндскому сейму — вероятно, под давлением архиепископа и проч. духовенства — покаянное прошение, где просит о разрешении вернуться на родину, раскаивается в своих прошлых заблуждениях и обязуется не противодействовать более мероприятиям правительства. Вот плоды разврата, внесенного в Финляндию Бобриковым и К°; надо еще заметить, что Валлин принадлежит к числу немногих светлых исключений в среде раболепствующего духовенства.

Однако, ставленники правительства не брезгают и самыми элементарными приемами политического разврата. Недавно губ. Кайгородов, воспользовавшись ложным доносом какой-то бабы, подверг настоящей нравственной пытке ни в чем неповинного комиссионера курорта в Ловизе Пюдена. Он долго запугивал его тюрьмой, ссылкой и кончил предложением поступить на службу в полицию. Характерно, что русские дачники хлопотали перед губернатором за Пюдена, и он милостиво согласился оставить его «пока» в Ловизе. Но было уже поздно: несчастный Пюден захворал от всех этих треволнений воспалением мозга и умер. В том же злополучном городе Ловизе пустячная ссора русского чиновника с финляндкой послужили поводом к присылке трех

русских городовых с комиссаром (околоточный тож) и нескольких сыщиков.

Меры руссификации обогащаются все новыми и новыми образцами. Так, с первого окт. (нов. ст.) в хозяйственном департаменте финляндского сената дела докладываются на русском языке. Председательствует на общих заседаниях один из палачей русских революционеров и финляндской свободы, Дейтрих. В Петербурге скоро откроет свои заседания особая комиссия, которая должна заняться вопросом о введении в Финляндии русской монеты. Или вот еще перл руссификации: гельсингфорский полициймейстер постановил (об'явление 8 окт. н. ст.), чтобы с начала зимнего сезона все гельсингфорские извозчики... оделись по образцу русских извозчиков! Маскарад этот, между прочим, имеет свою историю. Года два тому назад пытались уже ввести эту «реформу», но те немногочисленные извозчики, которые послушались «начальства», подверглись немедленно единодушному бойкоту публики и должны были скоро переодеться опять в европейское платье.

Как ни жалок теперь состав финляндского сейма после того, как лучшие сеймовые деятели пошли в изгнание, правительство все-таки не рискует доверять ему; недавно было «официально» об'явлено, что сейм 1904 г. будет созван царем лишь в том случае, если к тому времени будет водворен на «окраине» надлежащий «порядок». Из этого можно с уверенностью заключить, что сейм созван не будет.

Из области административных мероприятий в защиту «общегосударственных интересов» заслуживает внимания дело Сольмана. Брандмейстер Сольман судился абоским ратгаузским судом по обвинению в распространении среди пожарных непропущенной цензурой литературы и был приговорен к штрафу в 200 марок. Тем не менее после суда он снова был отправлен в тюрьму, где и содержится якобы по обвинению в преступлении против «величества», хотя не последовало еще никакого «высочайшего» распоряжения о возбуждении этого обвинения.

Конечно, все эти мелкие и крупные насилия и злоупотребления вызывают в правительстве боязнь отпора со стороны угнетаемых и возмущения общественного мнения Запада. И вот оно издает распоряжение, ограничивающее продажу и употребление огнестрельного оружия военного образца, или, как недавно нюландский губернатор, велит запасаться разрешением полиции на хранение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. С другой стороны, оно «лжет за двух» устами Плеве в ответ на известное письмо Стэда, стараясь убедить Европу, что случайные, «временные проявления» русской политики в Финляндии нисколько не нарушают «основные принципы» «автономии», что русским правительством руководит только соображение о «благе подданных» и т. п.

Эта грубая политика насилия должна будет в конце-концов убедить финляндских патриотов, что бороться с правительством на почве «лойяльности» дольше невозможно, что только подпольная борьба, и притом борьба революционная, в связи с широким освободительным революционным движением российского пролетариата, сможет возвратить финляндскому народу вырванные у него русским правительством гражданские права.

(По независящим от редакции обстоятельствам обещанное в прошлом № продолжение программы Финляндской Соц.-Дем. Партии запоздало и не могло быть помещено в этом №).

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка типографщиков в Москве.* Брожение и недовольство среди типографских рабочих началось уже давно. Продолжительный рабочий день (с 7 до 7½ при 1½-часов. обеденном отдыхе), недостаточный заработок (средний рабочий 1 рубль 10 коп. — 1 р. 25 коп. в день), вредные для здоровья условия труда при отсутствии гигиенических мер и врачебной помощи—все это накопляло недовольство и подготовляло стачку. Первые сходки рабочих начались еще за неделю до забастовки, однако только с 7 сентября стали устраивать правильные собрания и разрабатывать требования. На сходках бывало по 300 — 500 чел., они устраивались одновременно в разных местах, причем на каждой обязательно присутствовали представители от всех типографий, хотя бы по одному человеку. Требования, выработанные накануне забастовки, следующие: 1) сокращение рабочего дня до 9 часов днем и 8 ночью (2 часа на обед); 2) повышение жалованья до 20%, а сдельной платы до 18 коп. с 1.000 букв; 3) особая плата за корректуру; 4) прогрессивно растущее вознаграждение мальчиков-учеников (ко дню выхода в мастера 35 руб.); 5) постоянный фельдшер в типографии, где свыше 15 человек, еженедельный визит врача, бесплатные лекарства; 6) тождество расценок и условий во всех типографиях; 7) отмена штрафов за опоздание; 8) введение рабочих старост по закону 1 июня сего года; 9) уничтожение посредников между рабочими и предпринимателями; 10) новые условия должны быть подписаны всеми хозяевами и фабричным инспектором; никаких частных переговоров с отдельными владельцами типографий не будет.

Полиция знала заблаговременно о готовящейся стачке. 6 сен. охранное отделение затребовало из всех типографий подробные сведения о рабочих; в управления железных дорог было об'явлено, что, в случае сильного спроса на билеты в какую-нибудь пригородную местность со стороны рабочих, продажу билетов приостановить и сообщить по телефону в охранное отделение. Однако этот маневр не удался: рабочие собрались на татарском кладбище и у Симонова монастыря. Первая сходка была открыта полицией и рассеяна, вторая прошла благополучно.

Стачка началась 9 сентября в 12 час. дня. Первые бросили работу наборщики типографии Яковлева и пошли по мастерским, созывая товарищей присоединиться. Одна за другой бастовали все типографии и литографии вплоть до самых маленьких с 3—4 рабочими; присоединились также и женщины-наборщицы из типографии Е. Гербек. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на Тверском бульваре, направилась оттуда вдоль по бульварам в Ваганьковский переулок к типографии «Московского Листка». После коротких переговоров наборщики «Моск. Лист.» присоединились к стачечникам; попытка конных жандармов воспрепятствовать этому и оттеснить толпу во двор не привела ни к чему. Толпа стройно направилась обратно к Тверской. Порядок и выдержка рабочих образцовые. Лучшее доказательство — это то, что полиция, при всем старании, не смогла вызвать беспорядков. Всего бастуют 15.000 человек.

10 и 11 сентября вышли только «Московский Листок» и «Русский Листок», типографии которых охранялись полицией; в «Моск. Лист.» работали мальчики-ученики и до-

* Приводим, в дополнение к сообщениям в № 49, более подробный и систематический рассказ о выдающейся московской стачке.

ставленные полицией золоторотцы; рабочие дневали и ночевали в типографии. 12 сентября появились «Моск. Вед.» [13] и «Русск. Вед.». Перед лицом рабочего движения обе редакции подали друг другу руки и испросили у военных властей солдат-наборщиков: только благодаря этому обе газеты и могли появиться.

Момент для стачки выбран был самый удобный: к началу сезона типографии завалены заказами. Поэтому владельцы типографий поспешили устроить экстренное совещание при совете «Общества деятелей печатного дела», с целью обсудить требования рабочих. Но перед этим полиция попыталась употребить «свои средства»; она предложила нанимателям рассчитать всех рабочих, обещая разослать их по этапу на родину. Когда это было отвергнуто, Трепов попробовал запугать рабочих непосредственно, угрожая тем, кто не станет на работу на старых условиях, высылкой на родину. Но и здесь он встретил отпор.

На экстренных собраниях владельцев типографий (9 и 11 сентября) принято было сокращение рабочего дня до 10 часов и повышение сдельной платы до 18 коп. за 1.000 букв. Остальные требования не удовлетворены. Это решение внесло раскол в ряды стачечников: работающие сдельно стали с 13-го на работу, служащие на постоянном жалованье бастуют. Стачка произвела громадное впечатление и считается безусловно удачной; бодрое настроение типографщиков заражает рабочих других специальностей, и уже есть слухи о движении на фабриках Жако, Прохоровской и др. Вместе с тем стачка эта поражает своей выдержанностью и мирным характером: за четыре дня 15.000-ной толпой побит только один городовой да известный москвичам пристав Ермолов, которого обязательно бьют при всякой демонстрации. Есть сведения об убийстве в Чернышевском сквере наборщика из «Моск. Вед.», якобы за штрейкбрехерство. Подробности этого факта нам неизвестны.

Побежденные предприниматели не пали духом и скоро сообразили, что для сохранения старых барышей необходимо об'единиться, сойдясь на общем для всех их тарифе расценок и переложить повышенные «издержки производства» на потребителя. Вот результаты совещаний их по этому вопросу, формулированные на собрании 23 сентября и отвечающие, по их мнению, «интересам владельцев типограф. заведений, рабочих и публики»: 1) в типографиях и литографиях устанавливается о д и н а к о в а я продолжительность ежедневных работ, сокращенная до нормы в 10 ч.; 2) одновременно с этим вводится новая общая расценка труда рабочих, повышенная до 20—50% согласно определенной табели на плату за разные работы: сдельные, поденные и др.; 3) принимая во внимание вышеизложенное, необходимо с о о т в е т с т в е н н о в о з в ы с и т ь цены на заказы... Во избежание недоразумений будут установлены о б щ и е н о р м ы стоимости работ... Эти нормы послужат всем типографиям основанием для смет на работы... Собрание приняло эти три пункта, заменив во втором слова «повышенная до 20—50%» словами «значительно повышенная» («Русск. Вед.» № 262 *).

Таковы положительные результаты стачки, не обошлось и без отрицательных: во время стачки выслано на родину до 1.500 человек; говорят, одна группа была загнана в манеж и избита, но это слух непроверенный.

P. S. Статья уже была набрана, когда мы получили дополнительные сведения. Инициатива стачки, как оказывается, исходила от «независимых»; поэтому сравнительно легко удавались собрания, и на них, говорят, присутствовали агенты с фотографическими аппаратами, которые и снимали рабочих ораторов, говоривших на политические темы. Заметив это, сознательные рабочие ускорили стачку на две недели и этим спасли дело. Впоследствии движение перешагнуло черту «экономических» требований «независимых».

Из всех предпринимателей хуже всего держал себя Левенсон, долго не уступавший на собрании и потом пытавшийся отделаться от рабочих пустыми обещаниями. Однако те настояли на составлении письменного договора.

Относительно роли «Русск. Вед.» пишут, что солдаты наборщики явились в типографию не по приглашению редакции, а по приказу Трепова. Как ни странна такая особенная забота Трепова о «Русск. Вед.», эта роль «угнетенной невинности» едва ли сильно умалит заслуги этой газеты в деле борьбы с рабочим движением.

П е т е р б у р г. 15 или 16 сентября служащие главного почтамта нашли столы этого учреждения усеянными прокламациями, приглашающими почтамтских служащих отказом от работы изменить поистине каторжные условия их труда. Прокламация, по заявлению служащих, составлена неудачно и человеком, мало знакомым с действительным положением дел в почтамте. Днем для начала стачки было назначено 17 число. И действительно, 17 числа большинство женщин, а также многие низшие служащие (сторожа, упаковщики и др.) на работу не явились. Испортили все дело г.г. «чиновники», несмотря на 18-часовой день при нищенском жалованьи до сих пор преданные «начальству». А последнее было весьма смущено как прокламациями, так и забастовкой. Несколько ободрилось оно благодаря поддержке тех, которые имеют жалкие «чины» и петлицы. Сторожа были рассчитаны. Что ждет бастовавших женщин, — неизвестно. Чиновники вскоре после этого получили по почте письма с приглашением принять участие в стачке. Отказывающимся грозят насилием.

П е т е р б у р г. (Из письма рабочего.) Один из рабочих фабрик концертных пианино Оффенбахера нам пишет:

«3 августа у нас было вывешено об'явление о том, что работы будут производиться не так, как раньше — с 7 ч. утра и до 6 ч. вечера, а с 7 и до 7. Я, автор этого письма, принялся усердно агитировать товарищей о выражении протеста общей стачкой, и вот 7 августа, в 6 ч. вечера, в обычное время окончания работ, звонка не последовало; тогда агитированные мною товарищи оделись и побежали по отделениям фабрики с криком «бросай работу!» И все единодушно разошлись по домам. На следующий день, т. е. 8 августа, дело произошло так же, а на третий день явился эксплоататор Оффенбахер и заявил всем расчет, на что все согласились. Работы продолжались до 13 августа до 6 ч. вечера, уходили без звонка, а 13-го администрацией был дан звонок в 6 ч. вечера. Так идет и по настоящее время. Из этого можно заключить, что победа за рабочими.

Пущенные по фабрике прокламации С.-Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. к семянниковским рабочим о встрече державного вампира и прокламации по поводу избиения интеллигентов товарищей в Кресте вызвали среди рабочих возмущение против правительства. На фабрике нет ни одного человека, состоящего в организации».

И з Д о н е ц к о г о б а с с е й н а. Ю з о в с к и й м е т а л л у р г и ч е с к и й з а в о д. В течение сентября в Юзовке состоялось несколько сходок, на которых присутствовало по 50—80 человек заводских рабочих и ремесленников. На сходках произносились речи на различные темы. Особенно интересна сходка, в которой участвовало до 80 человек. Вот темы речей: о рабочем движении в России, о милитаризме, как держать себя на допросах, об антисемитизме, о Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Во время сходки над оратором развевалось красное знамя с надписью: «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день», «Да здравствует социализм». Собрание длилось четыре часа и прошло чрезвычайно весело и оживленно. В заключение была принята следующая резолюция: «Мы, все присутствующие на сегодняшнем собрании, крайне возмущены и выражаем свое негодование и всю свою ненависть к царскому правительству за его гнусную роль и избиение евреев в Кишиневе и Гомеле, за массовое расстреливание наших товарищей рабочих-стачечников в Киеве и Екатеринославе, в Керчи и Батуме, в Одессе и Николаеве, в Елисаветграде и Ростове; за смертные приго-

* Принятие в с е м и типографиями однородных тарифов по необходимости вызовет повышение заработка рабочих, служащих на постоянном жалованье и не добившихся этого повышения во время самой стачки.

воры ростовским манифестантам в Таганроге. Мы выражаем полное, искреннее сочувствие свое нашим товарищам в их геройской борьбе с ненавистным чудовищем царским самодержавием, которое душит все живое, честное, стремящееся к братству и равенству всех народов. Мы клеймим такое правительство вечным позором! Смерть ему!.. Мы протягиваем всем угнетенным нашу рабочую руку в их борьбе с царским самодержавием!» Бывшая здесь стачка заготовщиков и тандетниц выиграна. У заготовщиков рабочий день сокращен (вместо 16 часов — 12 часов.), повышена заработная плата, уничтожены контракты и проч. Тандетницы тоже выиграли. Настроение среди ремесленников возбужденное. На шахтах и среди ремесленников распространяется много прокламаций.

17 сентября на Юзовском заводе, в мелкосортном цехе, вспыхнула стачка, к которой вскоре присоединилась часть механического цеха. Всего в стачке приняло участие до 200 чел. Вызвана была стачка угрозой заводоуправления понизить расценки. Благодаря безобразным условиям труда на заводе, стачка грозила перекинуться в другие цехи и сделаться всеобщей. Поэтому Соц.-Дем. Союз Горно-Заводских Рабочих [14] поспешил издать прокламацию с призывом ко всеобщей забастовке, но заводоуправление, испугавшись надвигающейся грозы, взяло свою угрозу обратно, и стачка на шестой день прекратилась. Местный Комитет Союза успел использовать этот момент и послал своего оратора на сходку стачечников возле заводской конторы. Приводим некоторые выдержки из этой речи, которая на стачечников произвела сильное впечатление: «Братья, настал великий момент в нашей жизни. Еще вчера мы безропотно гнули свои спины, покорно сносили гнет и издевательство заводской администрации; еще вчера нас, рабочих, приравнивали к вьючным животным... Ныне же мы все, как один человек, бросили работу и не хотим больше подставлять свои спины под бич кровопийц-хозяев и грубых мастеров.. Посмотрите! ваши товарищи в других городах об'явили уже нашим тиранам-кровопийцам беспощадную войну. Нет почти ни одного уголка, где бы рабочие не устраивали стачек или демонстраций. Они знают, что улучшение их положения зависит от их сознательности, от их борьбы. Они стояли горой в борьбе с хозяевами и правительством. Помните, товарищи, что перед нами лежит такая же задача! Мы должны бороться, мы должны улучшить свою каторжную жизнь... Посмотрите, — говорил оратор дальше, указывая рукой на завод, — эта громадина с вечно пылающими печами — завод, где мы выплавляем миллионы пудов стали и железа. Разве это наше? (в толпе: «нет, нет!»). Эти рудники, где ценой своей жизни наши братья-рабочие доставляют богатства... Кому? Разве нам? («нет, нет!»). Это присваивают себе наши хозяева, кровопийцы, которые, сами ничего не делая, заставляют нас трудиться на них, чтобы иметь возможность пьянствовать и развратничать. Братья! Довольно нам горя, довольно сносить все обиды! Мы уже натерпелись. Будем вести начатую борьбу, будем требовать, а не просить добытые нашим потом и кровью богатства. Восстаньте же, товарищи, на борьбу с хозяевами! «Один за всех и все за одного!».

Стачка вызвала брожение во всех цехах и на шахтах. Все рабочие с нетерпением ждут листков с разоблачением порядков, царящих на заводе. А порядки действительно дикие. Вот некоторые данные. В доменном цехе, несмотря на то, что было пущено три новых домны, число рабочих осталось прежнее. За один рубль рабочие должны в течение 12 часов работать в адской атмосфере, температура которой доходит до 60 градусов. Многие не выдерживают и падают в обморок. Их обливают водой и заставляют опять работать. При коксовых печах приходится работать в вечном огне. Жара и пыль невыносимые. Работа в две смены по 12 часов. Поденная плата за этот каторжный труд — один рубль. Рабочие терпят страшные притеснения от старшего десятника Шевченко, которого за лютость и свирепость прозвали «крокодилом». Шевченко, кроме того, облагает рабочих целым рядом налогов в свою пользу. В механическом цехе заработки доведены до 70 коп. в день. То же и в токарном отделении. Число рабочих в котельном цехе сокращено вдвое при сохранении прежней платы (один рубль в день). Чернорабочие за грошевое вознаграждение вынуждены работать сплошь всю неделю, не имея даже праздничного отдыха. Рабочие подрядчика Свинцова, работающие при нагрузке и выгрузке руды из вагонов, выгружают каждый ежедневно шесть-семь вагонов (в вагоне 750 пудов). Рабочий день от пяти часов утра до шести час. веч. Получают за этот непосильный труд летом 80 коп., а зимой — 60 коп. В кирпичном сарае работают девушки в возрасте 14—18 лет и мальчики. Каждая обязана сделать не менее 600 кирпичей в день, получая по десяти коп. с сотни. Не остается времени для завтрака и обеда. Особенно тяжело положение мальчиков, отбивающих шлак от старого кирпича. Летом и зимой приходится работать на дворе. Получают 30—40 коп. в день.

Бердичев. На столбцах «Искры» корреспонденция из нашего города, насколько мне известно, является впервые, поэтому, желая говорить о событиях последних дней, я должен слегка коснуться бердичевского рабочего движения в общем. Движение в нашем городе еще сравнительно молодое. Началось оно года три тому назад под знаменем «Бунда» и за это время успело разрастись довольно широко. К сожалению, этого нельзя сказать о глубине нашего движения. Если оно разрослось вширь, то только потому, что оно преследовало и преследует еще и поныне главным образом экономические цели — улучшение материального положения трудящегося класса, а необычайная эксплоатация, господствующая у нас, способствует довольно широкому распространению движения. Но, захватывая массу все шире и шире, движение остается весьма поверхностным, слабо проникая вглубь, слабо развивая классовое самосознание рабочих — сознание своих особых интересов как класса, отличного от класса хозяев. В отношениях между рабочими и хозяевами господствует полная патриархальность, которая об'ясняется прежде всего тем, что у нас нет крупной фабрично-заводской промышленности, и вся рабочая масса сосредоточена в бесчисленных мастерских и мелких фабриках, принадлежащих мелким предпринимателям. К сожалению, местная организация очень мало делает в смысле уничтожения такой патриархальности и поднятия классового самосознания среди массы. Особенно страдает у нас политическое развитие массы; политическая агитация, можно сказать без преувеличения, почти сведена к нулю. Это можно видеть из демонстрации, происшедшей у нас в апреле. Из всей организованной массы, насчитывающей до 1.000 человек, в демонстрации приняли участие всего чел. 40 рабочих; большинство же демонстрантов составляли интеллигенты. Неудивительно, что демонстрация была неудачна; при первом появлении полиции все разбежались. Таким образом шествие с знаменем продолжалось всего каких-нибудь десять минут и того меньше. Когда рабочих упрекали за их отсутствие, большинство отвечало, что им никто не об'яснил, что такое демонстрация, зачем и к чему она, каково ее значение; как же от них требуют пойти на то, о чем они и понятия не имеют? Этот случай наглядно показывает, что политическая агитация среди массы велась очень вяло и слабо, никакого улучшения в этом смысле не замечается и до сих пор. Перехожу к событиям последних дней. Грандиозные события, разыгравшиеся в Киеве, Одессе и др. городах, заметно волновали и электризовали массу, вызывая в ней как-то стихийно напряженное состояние и возбуждая стремление чем-нибудь выказать свое сочувствие борющимся товарищам. Такой случай скоро представился, но, к сожалению, он вовсе не был использован местной организацией.

В воскресенье 3 августа (ст. ст.) в местной еврейской больнице умер рабочий. Рано утром толпа рабочих в 400 человек собралась пред больницей в ожидании похорон. Менее многочисленные группы образовались по другим улицам и переулкам по пути к еврейскому кладбищу. Замечательно, что все это произошло как-то стихийно, без чьей-либо инициативы и плана. Полиция всеми мерами старалась разогнать толпу, отрезать и не давать соединиться отдельным кучкам, и это ей удалось. Все-таки толпе в 100 человек рабочих удалось пробиться на самое кладбище и присутствовать при погребении. На обратном

пути у ворот кладбища эта кучка сплотилась и с криком: «долой самодержавие!» и пением «Марсельезы» хотела двинуться в город, но тут появилась полиция с полицмейстером верхом на лошади. Последовала маленькая стычка. Кто-то схватил полицмейстера за ногу и едва не стащил с лошади; другие завязали борьбу с городовыми; вдруг полиция стала стрелять в толпу из револьверов. Выстрелы были холостые, но они достигли цели: испуганная толпа рассеялась; при этом арестовали несколько человек, которых однако скоро выпустили. До трех часов нигде не работали и в городе господствовало необычайное оживление. Масса была очень недовольна организацией, что она не использовала этот случай. Организация же оправдывалась тем, что она не ожидала такого «боевого настроения» среди массы... Чтобы поднять свой престиж в глазах рабочих, организация решила устроить всеобщую однодневную забастовку для выражения своих чувств солидарности и единодушия с борющимися товарищами в Одессе, Киеве и друг. городах. По этому поводу были выпущены прокламации на русском и еврейском языках. Местная «Группа революционных социал-демократов», которая недавно образовалась, выступив из организации «Бунда», в виду недовольства ее деятельностью, выпустила также по этому поводу гектографированные прокламации на русском языке и на жаргоне, а в самый день забастовки, во вторник 12 августа, рано утром распространили по всем мастерским карточки с призывом бросить работу. Бастовало тогда около 1.500 человек. Однако забастовку должно признать неудачной, так как на более крупных заводах, где работают, главным образом, русские рабочие, работа не была приостановлена. Весь день город был в большом волнении — ожидали демонстрации. По улицам были расставлены усиленные полицейские караулы. Народ толпился на тротуарах, и полиция, разгоняя его, задерживала подозрительных ей людей и отводила в участок. К вечеру в переулке возле старого еврейского кладбища собралась толпа рабочих в ожидании демонстрации. Полиция всячески старалась разогнать толпу, но это ей не удавалось. Особенно свирепствовал старший городовой 1-го участка. Он всячески набрасывался на толпу, выхватывал отдельных людей и уводил в участок. Чтобы отбить товарища, которого полиция задержала, один рабочий ударил старшего палкой по голове и нанес ему тяжелую рану (носятся слухи, что он при смерти). Чтобы рассеять толпу, прибегли также к холостым выстрелам. Вообще настроение к вечеру было очень напряженное; все чего-то ожидали, но ничего не дождались. Организация и на этот раз не воспользовалась «боевым настроением» массы и этим возбудила всеобщее недовольство и ропот против себя. Арестовали в тот день двух интеллигентов, а из толпы поодиночке выхватили человек 15, которых ночью же выпустили. На другой день опять все приступили к работе, и жизнь опять потекла своим обычным руслом.

М. Копысь, Могилевской губернии. Вряд ли многие из читателей знают о существовании такого местечка. Затерянное в глуши, оно еще недавно было одним из типичных еврейских захолустьев нашего края.

Но за последние годы новые мысли, новые взгляды проникли и к нам.

Тщетно ходят городовые к русским рабочим и упрекают их в том, что они бросили пить; напрасно старики евреи и местные сионисты пророчат беду еврейской рабочей молодежи, забросившей религию. Их никто не слушает... и старые заунывные песни сменились бодрыми революционными гимнами.

Растет и крепнет революционное сознание и настроение массы, вместе с тем растет и спрос на революционную, а также и на общую научно-популярную и беллетристическую литературу. Каким образом произошел этот переворот? Года три тому назад на местных кафельных заводах, круглый год занимающих около 1.200 рабочих, возникла всеобщая забастовка, носившая совершенно стихийный характер. Некоторые требования рабочих были удовлетворены. С этих пор с местечком завязались сношения, туда стала проникать литература, листки, и через два года как первый осязательный результат политической пропаганды в апреле состоялась демонстрация. Ходили по местечку и пели революционные песни. В результате 100 слишком человек привлечены к ответственности за нарушение тишины и порядка. Дело разбиралось в Шклове, и обвиняемые приговорены к 30 руб. штрафа.

Слухи о последних погромах достигли и до наших мест. В Шклове стали сильно поговаривать о предстоящем погроме и даже назначили день. Встревоженные еврейские товарищи обратились за помощью в Копысь. Немедленно же был собран отряд в 120 человек (в Копыси рабочие почти сплошь русские) и послан в Шклов (12 верст). Вместе с тем в Шклов прибыла помощь из Могилева и Орши, так что ни о каком погроме не могло уже быть и речи. Этот факт служит лучшим доказательством солидарности, существующей между еврейскими и русскими рабочими.

Недавно копысские рабочие вместе с шкловскими устроили в Шклове демонстрацию. Дело было так.

21 августа в Шклове должно было рассматриваться уже отложенное один раз дело по обвинению 60 копысских рабочих в нарушении общественной тишины и порядка. И на этот раз дело было вновь отложено, за неявкой одного из обвиняемых. Рабочие стали протестовать и судья, чтобы успокоить их и оградить себя, заявил: «Я не виноват, я только царский приказчик и исполняю лишь закон. Это не моя вина, что законы плохи». Тогда толпа с криком «долой царские законы!» двинулась на улицу, где их поджидали местные товарищи, и прошлась по всему Шклову в количестве 200 человек с пением революционных песен («Марсельезы» и «Варшавянки»). Весь Шклов сбежался на такое невиданное зрелище. Вечером рабочие из Копыси уехали домой; их провожала огромная толпа в несколько сот человек. А в Копысе, куда товарищи под'ехали также с пением «Варшавянки», их ожидала почетная встреча: человек 150 своих и вся полиция во главе с приставом. Для усиления стражи из деревень собрали несколько десятков десятских с дубинками.

Мы пользуемся такими случаями и ведем пропаганду среди десятских.

Когда пароход подошел, пристав велел вынуть револьверы и обнажить шашки, но, видя, что на этот маневр никто не обратил внимания, велел «вложить мечи в ножны», а сам благоразумно скрылся. Рабочие встретили возгласы: «долой царские суды, долой самодержавие!» громким ура и затем разошлись.

На следующий день за городом состоялось массовое собрание человек 250, на котором выяснялись задачи социал-демократии и рабочего класса и вопрос о работе среди крестьян. Когда рабочие возвращались в город, их опять встретила вся копысская полиция, но рабочие потребовали, чтобы полиция разошлась, обещая затем спокойно итти по домам. Требование рабочих было немедленно исполнено, и они спокойно разошлись.

Что касается экономической борьбы, то рабочие часто одерживают здесь победы. Фабриканты даже додумались до третейского суда и теперь пропагандируют устройство своего рода «камеры соглашения», куда входили бы 2 представителя от них и 2 от рабочих.

Среди крестьян также делаются попытки завязать прочные связи. Крестьяне охотно слушают рабочих.

23 августа началась забастовка у помещика Чичкина: работницы, выкапывающие картофель, потребовали увеличения платы с 15 к. до 25 к. «Пан» рвет и мечет, но в конце концов ему придется уступить.

Никополь. Перед самыми еврейскими праздниками забастовали портные, около 70 человек. Выставлены были требования повышения платы и сокращения рабочего дня до 12 часов. Забастовка длилась около недели и поставила хозяев в очень затруднительное положение. Хозяева обращались за помощью к полиции, но из этого ничего не вышло. Стачка закончилась 12 сентября полной победой рабочих.

Борисоглебск. Приводим некоторые дополнительные сведения (см. № 44) о стачке рабочих борисоглебских железнодорожных мастерских, бывшей в июне тек. г. Незадолго до стачки, возникшей 20 июня, в мастерских по-

явились прокламации с описанием тяжелого положения рабочих и тех злоупотреблений, которые совершает администрация. Среди рабочих эти прокламации вызвали сильнейшее движение, не укрывшееся от глаз администрации, которая было переполошилась, но затем, в виду внешнего спокойствия рабочих, успокоилась. 20 июня по случайному поводу (отказ в выдаче рукавиц литейщикам) недовольство рабочих прорвалось наружу. Все рабочие (около 2.000 чел.) побросали работу и, собравшись в пригородной слободе Станичной, сообща выработали требования, изложенные в 23 пунктах. Собрания рабочих продолжались и в следующие дни, причем до приезда тамбовского губернатора, в сопровождении 400 солдат, они категорически отказывались выбирать депутатов для переговоров с администрацией. Настроение было бодрое и поддерживалось появлявшимися довольно регулярно прокламациями. Кроме прокламаций, обращавшихся к рабочим, были прокламации и к обществу с призывом к помощи стачечникам.

За время стачки, длившейся более недели, собрано было и роздано стачечникам около 100 рублей. 25 июня по заборам была расклеена телеграмма министра путей сообщения, в которой г. министр заявил, что он «огорчен невозможностью рассматривать заявления (читай требования) рабочих, в виду незаконной формы таковых», а посему приглашает рабочих немедленно стать на работу, напоминая им «те лишения, которые они причиняют своим семьям бесполезною потерею заработка». В тот же день магазин общества потребителей прекратил выдачу товаров, несмотря на то, что у рабочих был за дорогой заработок за 19 дней и членский взнос в 10 рублей. Приехавшему губернатору удалось заманить собравшихся в слободе Станичной рабочих в мастерские, где он уговорил их также выбрать депутатов. Попытка склонить рабочих угрозами суда и ссылки стать на работу не удалась. «Не согласны! — крикнули рабочие. — Пусть удовлетворят наши требования». Затем, выйдя из мастерских, рабочие решили 26-го на работу не итти, не собираться, а сидеть дома. Однако на следующий день нашлось человек 60 изменников, которые явились на работу. У мастерских стояла стража из солдат. Жандармы ходили по рабочим кварталам и звали на работу, заявляя, что требования удовлетворены. Некоторые попадались на эту удочку, а некоторых заманивали или просто затаскивали в мастерские, где к вечеру собралось до 400 человек. Обедать их не распускали; администрация накупила булок, которыми и питались работавшие (за ними теперь установилось название «булочников»). 27-го на работу явилось уже около тысячи чел., а 30-го работа в мастерских шла уже полным ходом. 19 июля приехала из Петербурга комиссия для «расследования» дела. Рабочие выбрали депутатов, которые в присутствии всех рабочих вели переговоры с комиссией. Один из членов ком. говорил рабочим льстивые речи, но прошел целый месяц с от'езда комиссии, а никаких вестей из министерства нет. Рабочие, доведенные чрезвычайно низкими расценками и всяческими злоупотреблениями до сильнейших лишений, ропщут и поговаривают о новой стачке.

Настроение бодрое, и рабочие решили во что бы то ни стало добиться своих требований.

От редакции. В дополнение к настоящей корреспонденции приводим появившееся в легальных газетах известие о новой стачке в борисоглебских ж.-д. мастерских, возникшей 2 сентября. Стачка длилась более недели. Ж.-д. начальство об'явило всем рабочим расчет. Исход стачки и дальнейшие подробности пока неизвестны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОБЕДА ИТАЛЬЯНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Итак, царь не приехал. Чего только ни делало «либеральное» министерство Цанарделли, чтобы обеспечить восторженный прием царя: оно систематически запрещало или распускало собрания, конфисковало издания, дерзавшие высказываться против ожидаемого визита, задерживало на несколько часов телеграммы в социалистические газеты; оно наводнило Рим и окрестности войсками, под предлогом смотра, и выписало туда всех своих сыщиков; оно приготовилось к самим широким арестам и даже, как говорят, приспособило тюрьмы на несколько тысяч гостей; оно уже подрядило по четыре франка в день на брата выразителей народного энтузиазма, любительские оркестры—и все-таки царь не приехал. В течение двух месяцев итальянские республиканцы и особенно социалисты находились в каком-то осадном положении; в течение двух месяцев с пеной у рта нападала на них пресса, «готовая к услугам» (министерства), по выражению «Avanti» [15]; в течение двух месяцев добровольцы из монархистов обсуждали организацию «охраны», готовые своими боками отстаивать «сближение народов», а добровольцы из оппортунистов с еще большим рвением изобретали с каждым днем новые аргументы в защиту царя и против враждебной демонстрации. Ничто не помогло: царь не приехал.

Царь предпочел сдаться перед «неблаговоспитанными», «неуважающими правил гостеприимства» социалистами и не приехал.

«Мне очень жаль, — написал он «собственноручно» итальянскому королю, — «что приходится откладывать уже назначенное посещение до другого времени». «Желаю, чтобы оно было близко». И это все, и никакой мотивировки! С тем большим жаром бросилась комментировать это письмо пресса. Министерские газеты, которым особенно обидно было признать победу социалистов, вздумали обмануть общественное мнение сказкой о «немецкой интриге». «Утверждая, что виной отсрочки визита является ничтожная фракция крайней левой, — писала «Tribuna», — придают слишком много значения маленькой кучке инициаторов враждебных манифестаций». И вот мало-по-малу складывается басенка о том, что отсрочка явилась следствием дармштадтских влияний и свидания с Францем Иосифом. По адресу ненавистного «австрияка» посыпались самые нелестные отзывы.

Однако, сказка скоро рассеялась перед действительностью. Появились русские газеты с самыми недвусмысленными передовицами, и все они единогласно и совершенно определенно обвиняли итальянских социалистов. Самый факт, что русским газетам позволили говорить об этом вопросе и давать ему такое толкование, ставит вне сомнения верность этого толкования; создавалось даже впечатление, что все эти передовицы составлялись по общей заметке, полученной из министерства внутренних дел, до того сходны были они по содержанию, различаясь лишь более или менее богатой патриотической и верноподданнической орнаментацией. Заметка «Русских Вед.» — самая сдержанная (корректная!) — ограничилась фактической стороной дела, и только между строк проглядывает «неодобрение» социалистам. Зато реакционные и quasi-либеральные газеты обрушиваются всем своим негодованием на виновников неудачи «итальянских республиканцев, социалистов, коллективистов и возможных участников тайных разбойничьих обществ, вроде маффии» (!) («Спб. Вед.», [16] № 266). «Это желание (союза с Россией) итальянского народа было нарушено, — пишут «Спб. Вед.» в № 266, — эта мечта была разбита отсутствием

дисциплины и такта * ничтожного, сравнительно, меньшинства, глупым поведением партии, великой не численностью своею, но способностью черпать силу в шуме и скандалах в те минуты, когда бессилие доводов готово свести ее политическое значение до ничтожного минимума». «Понятно, — продолжают «Спб. Вед.», — что государь император, признавая итальянскую землю (sic!) недостойной своего посещения, не распространяет высокого (!) своего неодобрения ни на благомыслящий трудовой народ, ни на членов смущенного правительства».

Это признание русских газет, несомненно инспирированное свыше, обескуражило все попытки умалить торжество социалистов.

И в этом разноголосом хоре комментаторов торжествующие социалисты проявили больше всего сдержанности и достоинства.

«Мы не поем победных гимнов, — писала редакция «Avanti», когда было официально опубликовано письмо царя: — мы констатируем, что впервые при господстве монархического правления пролетариат мог оказать давление на события иностранной политики благодаря своей политической организации. Демонстрация достигла своей цели; она даже превзошла ее. Царь не приедет в Италию, чтобы избежать враждебной манифестации; но в действительности этим отказом от визита он только усиливает значение и торжественность протеста». Указывая, далее, на возбужденность и нелогичную аргументацию прессы, «Avanti» заключает: «В одном только все солидарны: это — в признании, что социалистическая партия может, если захочет, оказывать сильное давление на судьбу страны и направление ее политики». Статья эта озаглавлена: «Не приезжает и не приедет»; инцидент с визитом царя итальянские социалисты считают покончeнным.

Но как на мещанской сцене после серьезной драмы любят пускать глупый смешной водевиль, так и здесь за драматическим эпизодом столкновения старого мира самодержавия с новым миром социализма следует комический водевиль из области «дипломатии». Героями его являются «козлы отпущения». Прежде всего по телеграфу был вызван из Петербурга итальянский посол Морра-ди-Лавриано и, как сообщают, снял себе уже виллу на зиму, т.-е. в Петербург не вернется. Такая же участь ждет русского посла в Риме, Нелидова, присутствие которого считают неудобным после несостоявшегося визита царя. Печально может закончиться вся эта история и для либерального министерства Цанарделли, тем более, что реакционеры и католики работают против него во-всю. Либеральные газеты (все те же «готовые к услугам») стараются теперь свалить ответственность за возможную реакцию на социалистов. «Пусть падет кабинет из-за этого вопроса иностранной политики, связанного с внутренней полицией, — возражает «Avanti» — за нами останется заслуга погребения мертвеца и создания в Италии правительства, более заботящегося о ее интересах и нуждах». Цанарделли однако не хочет сдаться и готовит «зеленую книгу» по поводу несостоявшегося визита царя, которая должна явиться оправданием правительства. Чем бы ни разрешилась вся эта история во внутренней жизни Италии, прав «Avanti», утверждая, что «этот урок таит предостережение многим и многим».

Мы, русские социал-демократы, можем только радоваться победе итальянских товарищей и благодарить их за энергичную борьбу, ибо эта борьба велась, главным образом, в нашу пользу. В последнюю свою поездку во Францию царь не осмелился в'ехать в Париж и остановился в Компьене; несколько недель тому назад так же заперта была перед ним Вена: свидание с Францем Иосифом пришлось устроить в Шенбрунне и Мюртцштеге; теперь итальянские социалисты отстояли свою родину от позорного визита царя. Если свидание его с Виктором Эммануилом состоится, то, вероятно, как уже высказывают предположение, на собственной яхте Николая II. Запереть пред царем все главнейшие центры Европы, дискредитировать его в общественном мнении Запада и сделать для него вообще невозможным выезд из России — это значит сильно сыграть на-руку русской революции; уже сейчас говорят некоторые газеты, что отказ от поездки «едва ли увеличит шансы царя в борьбе с русской социалистической партией» «Perseveranza». Да, если бы наши товарищи, социалисты других национальностей, выказали столько энергии и понимания исторического момента, как итальянцы, престиж царя заметно бы пал, русское общество выше подняло бы голову, и во многом облегчилась бы революционная борьба.

[Орловский—В. Воровский]

---

* А принципиальной позиции итальян. социалистов «Спб. Вед.» не отрицают?

КОНГРЕСС В РЕЙМСЕ.

Вступление бывшего социалиста Мильерана в буржуазное министерство Вальдека-Руссо дало решительный толчок к перераспределению сил французских социалистов. Отдельные элементы, об'единившиеся на время под знаменем «Французской Социалистической Партии», стали понемногу отпадать и, сочетаясь с другими группами, организоваться в новую партию, принявшую первоначально название «Социально-Революционного Союза». «Союз» этот, основание которому было положено на конференции в Ури, имел целью об'единить всех французских социалистов, враждебных министериализму; в состав «Союза» вошли: «Французская Рабочая Партия»[17] (группа гэдистов), «Социально-Революционная Партия»[18] (группа бланкистов с Вальяном во главе) и «Коммунистический Союз», составившийся из нескольких автономных федераций и группы, отколовшейся от «Социально-Революционной Рабочей Партии» (аллеманисты)[19]. В этом составе социально-революционный союз» собрался в октябре прошлого года на первый свой конгресс в Коммантри под официальным названием «Социалистической Партии Франции». На этом конгрессе руководство делами партии было поручено «Центральному Совету», и партийным органом был признан «Социалист», бывший до тех пор органом «Французской Рабочей Партии».

Второй конгресс партии, заседавший 27—29 сент. сего года в Реймсе, занялся главным образом окончательным об'единением сил и внутренней организацией партии. На конгрессе участвовало 104 делегата, представлявших 38 федераций и 11 групп. Начались работы конгресса с отчета Центрального Совета. В истекшем году Центральный Совет не мало поработал над привлечением новых сил, и работа его увенчалась значительным успехом. Из 37 конгрессов федераций в 30 принимали участие делегаты Центрального Совета; точно также были посылаемы им делегаты на 120 публичных конференций, на которых в общем высту-

пало от его имени 36 ораторов; некоторым пришлось сильно поработать: один Гэд активно участвовал на 26 собраниях. Не менее энергичной была деятельность группы представителей партии в парламенте (12 человек). Ею было внесено в общем 46 законопроектов, не считая многочисленных интерпелляций и деятельного участия в дебатах. Особенное внимание в отчетах Центрального Совета было обращено на последствия конгресса жоресситов в Бордо [20] и торжество на нем Мильерана. Это событие открыло глаза многим ослепленным. Не мало элементов уже отпало от «Французской Социалистической Партии» (жоресситов) и, хотя не все они примкнули к «Социалистической Партии Франции» [21], тем не менее, по мнению Совета, логика вещей приведет их к этому. Разумеется, Центр. Совет не упустил случая раз'яснить французскому пролетариату весь обман пресловутого «сотрудничества» классов и указать на невозможность социализма вне классовой борьбы *.

Работы конгресса выразились в целом ряде весьма ценных резолюций. Начав с официального утверждения единства партии и отмены тем самым всех частных наименований групп, вошедших в состав ее, конгресс занялся рассмотрением программы-минимум, которая и была принята. Программа эта, состоящая из трех частей: политической, экономической и муниципальной и обнимающая собой в общем 45 пунктов, представляет ряд требований в пользу законодательной защиты рабочего класса, исполнимых еще при буржуазном строе. В связи с этой программой стоит специальная резолюция о пенсиях престарелым рабочим, требующая, во-первых, чтобы размер пенсии обеспечивал им необходимый для существования минимум; во-вторых, чтобы получение пенсии не было связано с таким возрастом, которого большинство рабочих не достигает; в-третьих, чтобы пенсионная касса не составлялась из вычетов из заработной платы, и без того недостаточной.

На-ряду с этими решениями конгресса заслуживают внимания резолюции по вопросу о машинах в земледелии и по вопросу о первоначальном (народном) образовании. Первая резолюция гласит: «Принимая во внимание все растущую концентрацию земельной собственности, вносящую в земледельческую среду ту же степень эксплоатации, как и в промышленную, принимая во внимание введение машины в земледелие, вызывающее безработицу... конгресс постановляет, что партия должна вести деятельную пропаганду за сокращение рабочего дня, в целях уменьшения безработицы и установления минимума заработной платы, пока экономическая и политическая организация рабочих не позволит им взять в свои руки крупную земельную собственность и орудия производства».

По вопросу о первоначальном образовании конгресс находит, что народное образование в руках государства грозит такими же неудобствами для пролетариата, как и в руках церкви; протестуя поэтому против всякой государственной монополии на обучение, он присоединяется ко всем мерам против церковного образования и готов поддерживать все меры государственного образования, соответствующие интересам пролетариата.

Обсуждение порядка дня предстоящего в будущем году интернационального социалистического конгресса в Амстердаме отложено до следующего конгресса партии, который должен собраться незадолго перед Амстердамским; однако 2 пункта из этого порядка дня были внесены на конгресс в Реймсе: это — вопрос о «международных правилах социалистической политики» и о «всеобщей стачке». По первому вопросу постановлено предложить международному конгрессу высказаться о «ревизионистских тенденциях», под каким бы именем они ни скрывались, и представить ему резолюцию в духе решения Дрезденского конгресса германской соц.-дем. партии. По вопросу о всеобщей стачке конгресс поручил Совету составить резолюцию для обсуждения на следующем национальном, а затем на Амстердамском интернациональном конгрессе.

Конгресс в Реймсе окончательно завершил формальное и организационное единение партии: он создал наконец для французских социалистов тот единственный центр, к которому неизбежно должны и будут тяготеть все действительно революционные элементы. Поэтому вполне справедливы слова члена Центрального Совета Дюбрей'а: «Исход борьбы не представляет больше сомнений. На нашей стороне истина социализма. Завтра с нами будет весь сознательный рабочий класс — борец, вооруженный этой истиной».

* Гражданин Рубанович — социалист-революционер для России и социал-демократ для Западной Европы, явившись на конгресс «Социально-Революционного Союза» в качестве делегата от «Российской Социально-Революционной Рабочей Партии» (sic!) побил рекорд в «ортодоксальности», заявив, что в России есть свой мильеранизм, это... зубатовщина!

ИЗ ПАРТИИ

Манифест «Рабочей Воли» [22]. Мы, руководители Одесского Социал-Демократического Союза: «Рабочая Воля», при обсуждении вопроса о расширении нашей деятельности и связанных с этим расширением реформах, признали большинством голосов следующее:

1. Профессиональное устройство, которое еще недавно служило основой большинства действующих организаций и от которого в последнее время отказывается один комитет за другим, но которое сохранялось до сих пор нашим союзом, совершенно не соответствует социал-демократическим задачам и служит помехой правильной политической борьбе. Замыкая все помыслы рабочих в тесные рамки профессиональной жизни, оно — профессиональное устройство — суживает их кругозор и препятствует развитию социал-демократического мировоззрения.

Стойкие и могучие профессиональные организации в свободных странах, тесно связанные с социал-демократией (в Германии, например), являются необходимым подспорьем для рабочих в их великой борьбе за социалистический строй, но и там они отнюдь не могут служить основой партийной политической деятельности. Тем менее могут профессиональные организации играть такую роль у нас в России, где могучие профессиональные союзы невозможны.

Те отступления от профессионального устройства, которые незаметно проникли в наш Союз и которые не встречали никакого протеста со стороны товарищей; то горячее сочувствие, с которым они встречали всякое проявление политической борьбы, — позволяют нам теперь же бесповоротно отказаться от отжившей системы.

2. Выборное начало, принятое нашей организацией, далеко не оправдало тех надежд, которые возлагали на него при основании союза.

Строгая конспирация, необходимая в нелегальном деле, устраняет возможность контроля со стороны избирателей над деятельностью депутатов, а без гласности — этого первого условия демократического правления — выборы оказываются лишенными всякого внутреннего смысла: они являются пустой «игрой в демократизм». С другой стороны, исследования наших последовательных марксистов (см. «Что делать?» Н. Ленина) неопровержимо доказали необходимость единой централизованной организации: только такая организация, и по своему устройству и благодаря теоретической и боевой опытности своих вождей — профессиональных революционеров, в состоянии охватить все проявления рабочей борьбы в России и стать во главе нашего из года в год растущего революционного движения.

Последние волнения, охватившие революционным пожаром весь юг России и так ярко проявившиеся у нас, в Одессе, блестящим образом доказали справедливость этих положений.

Глядя на тысячные массы рабочих, проснувшихся к сознательной жизни, видя ухищрения «независимой» [23] зубатовщины и всю важность серьезного политического воспитания рабочих масс, всякий мыслящий социал-демократ должен был прийти к сознанию необходимости сильной централизованной организации: только она в состоянии дать революционному движению умелых политических вождей, знающих пропагандистов, опытных организаторов; только она создаст истинную самодеятельность рабочих.

Необходимость такой «организации революционеров», сказавшаяся тотчас же, как только наша борьба из фабричных стен хлынула на улицу, в широкое русло политической жизни, — с особенной настойчивостью встает перед нами теперь, накануне фактического об'единения всех российских социал-демократических организаций, накануне создания единой Российской Социал-Демократической Партии.

И мы должны раз навсегда отказаться выбирать революционеров (фактически уступая требованиям жизни, наш Союз уже раньше отказался от этих выборов, и в настоящее время он является почти централизованной организацией, в которой выборные представители составляют самое незначительное меньшинство), отказаться от той недоверчивости к нашей пролетарской интеллигенции, которую породила в отсталых рабочих минувшая эпоха профессионализма.

В минуту мелкой борьбы за экономические улучшения встает различие между людьми физического и умственного труда, перед великой борьбой за социализм стираются паспортные отметки о занятиях: в революционной социалистической борьбе не должно быть «рабочего» и «интеллигента» — должен быть «революционер».

В виду того, что эти принятые нами положения вполне совпадают с теми взглядами, которыми руководствуется в своей деятельности Одесский Комитет, принявший взгляды и тактику «Искры», мы об'являем о закрытии Одесского Союза «Рабочая Воля» и о передаче всех наших средств в ведение Комитета.

Мы приглашаем старых товарищей по организации к дружной плодотворной работе при новых условиях и выражаем твердую уверенность, что группы, отколовшиеся от соответствующих комитетов (в Петербурге, Екатеринославе, Елизаветграде) по тем же причинам, что и наша, в ближайшем будущем последуют нашему примеру.

Мы убеждены, что Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия — этот отряд всемирной социал-демократии, — об'единив все социал-демократические организации, окончательно уничтожит революционное кустарничество и быстрыми шагами поведет нас к победе над царизмом и гнетом капитала.

Сентябрь, 1903 г.

Письмо в редакцию. Товарищи, прошу поместить в ближайшем номере следующую заметку. В № 6 органа Соц.-Дем. Польши и Литвы «Przeglad Soc. Dem» помещена статья «Из социалистического движения на Кавказе», написанная, как показывает примечание, одним из членов Кавказского Союза [24]. Не зная, кто этот член Союза и в каком он отношении находится к движению, я, как человек, близко стоящий к кавказскому движению за последние годы, не могу оставить без ответа эту статью, совершенно неправильно освещающую деятельность и организационный принцип кавказской социал-демократии и передающую целый ряд неверных фактов.

Не останавливаясь на тех местах статьи, где указывается на исторические условия развития различных элементов кавказского населения, я перехожу к главному содержанию статьи — к характеристике социал-демократического движения. Автор, указав на рост капитализма и на сопряженную с этим пролетаризацию масс, создавшую благодатные условия для социалистической агитации, переходит к истории: движение началось сперва в Грузии (?), а потом отсюда перешло в Армению (?). Не знаю, откуда автор выдумал такое подразделение, всякий работавший на Кавказе хорошо знает, что рост движения там не был связан ни с какими исторически сложившимися национальными территориями. Фактически дело было так: первые соц.-дем. организации появились в Тифлисе (а не в Грузии), отсюда перешли в Баку (а не в Армению) и в Батум. Движение росло в связи с тем, была ли на данном месте более или менее компактная масса рабочих, или нет. Если еще о Грузии можно сказать, что такой географический термин правилен, то относительно понятия Армении этого уж никак нельзя сказать. В коренных армянских провинциях (Эривань, Карс и т. д.) еще до сих пор не заложены соц.-дем. организации. Далее автор совершенно умалчивает о том, что с момента своего образования организации эти признали себя принадлежащими к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, и еще задолго до основания Союза (апрель 1903 г.) комитеты носили название комитетов партии. По изложению же автора выходит совсем обратное: «Социалисты Кавказа не преминули создать вскоре Соц.-Дем. Партию (!), организуя Соц.-Дем. Кавк. Союз». И далее: «Этот С.-Д. К. С., вскоре соединился с Росс С.-Д. Раб. Партией». Все это неверно. Никакой Кавк. Партии не существовало и не могло существовать, а была и есть Кавк. организация Росс. Партии. Тифлисский Комитет со времени своего основания (1897 г.), а также Бакинский (1902 г.) и Батумский (кажется, около 1902 г.) — всегда считали себя комитетами партии, вели работу, выступали в демонстрациях и стачках как организации Росс. Партии. Только в первой половине 1903 г. зародилась идея создания районной организации, об'единяющей работу этих комитетов, с каковою целью созван был с'езд, положивший начало еще не вполне оформившемуся Союзу. Союз этот уже по своему происхождению был частью Росс. Портии, и не могло быть речи о его «соединении» с партией. Союз начал работу только с апреля этого года. Не знаю, каким образом далее автор утверждает, что этой «партии», т. е. Кавказским Союзом, организована демонстрация 1901 года в Тифлисе, батумские стачки, маевки 1900 и 1901 годов и т. д. Как могла все это сделать несуществующая организация? Эти акты борьбы организованы Тифлисским, Бакинским и Батумским Комитетами Росс. Партии, а не какой-то фиктивной Кавказской Партией. В статье так много подобных ошибок, что упомянуть о всех нет никакой возможности. Вот еще образчик: «В состав Центрального Комитета (опять неточность: Союзного Комитета) входят товарищи, представляющие собой три расовые элемента, участвующие в нашем движении: русские, армяне и грузины». Что тут имел в виду автор? То ли, что в теперешний состав Союзного Комитета входят и армяне, и грузины, и русские, работающие в кавказском движении, или что каждая раса имеет своего представителя в Союзном Комитете? Если только первое, то надо было выразиться определеннее, чтобы не дать места неверным толкованиям. Если же второе, то это неверно. Кавказские товарищи решительные противники расовых (национальных) организаций, и с самого своего возникновения каждый из комитетов работал на всех языках и представлял рабочих всего города без различия национальностей, независимо от того, из кого составлен сам комитет. Союзный Комитет выбран с'ездом представителей местных комитетов из работающих на Кавказе товарищей, вне связи с тем, имел ли товарищ счастье или несчастье происходить от той или иной расы.

Кавказская социал-демократия стоит теперь, как и раньше до основания Союза, в вопросах организационных за единую партию, защищающую и представляющую интересы всего пролетариата России. Тот организационный план, который проведен у нас, ничем не отличается от того плана, защитником которого в нашей литературе явилась «Искра».

Член Союзного Комитета Кавказской Соц.-Дем. Рабочей Организации.

Одесский Ком. выпустил в сентябре, кроме упомянутых в предыдущем номере, след. листки: 1) к железнодорожным рабочим о повышении расценок — 2.000, 2) к учащейся молодежи — 2.000, 3) к железнодорожн. раб. об арестах — 500, 4) об еврейском погроме в Гомеле, всего за сентябрь выпущено 8 листков (27.500 экз.). — Екатеринославский Комитет выпустил 12/IX листок: «Ко всем раб. и раб-цам г. Екатеринослава» (по поводу мин. стачки) и 29/IX: «К солдатам Керчь-Еникальского полка».— С.-Д. Союз Горнозаводских Рабочих в течение лета (июнь—сентябрь) издал и распространил след. листки: 1) «Пауки и мухи» — 10 т. (печ.), 2) годовщина Мариуп. стачки 14 июля 1899 г. — 4 т. (печ.), 3) «Чего хотят соц.-демократы» (печ.) — 10 т. 4) по поводу военн. суда над рост. демонстр. (изд. Донск. Комитета) — 2 т., 5) к рабоч. завода Вильде (200 экз.), 6) по поводу летних стачек на юге (гект.), 7) по пов. стачки на Юзовском зав. — 600 экз. (гект.) — Саратовский Комитет издал

листок «Овцы и люди» (№ 42). — Смоленский Ком. изд. листок по поводу местных арестов, еврейск. погрома и пр. — Бердичевская гр. рев. с.-дем. вып. летучий лист. № 1 «Почему мы должны бороться за полит. свободу». — Бердич. с.-д. гр. русских рабочих издала листок: «ко всем рабоч. завода „Прогресс“». — Сибирским Союзом выпущ. в сент. лист. № 42 (по поводу приезда Плеве) и № 44 «К томским рабочим и работницам» (о забастовке на фабрике Лопухова); в сентябре же вышел листок: «ко всем рабочим и работницам г. Красноярска», изданный Красноярским Ком. по поводу арестов. — Бакинский Ком. распространил листок: «К армянскому обществу» от 26/IX (с отчетом Бакинского Комитета), в сентябре месяце Киевским Ком. напечатаны в своей типографии след. листки: 1) «Ко всем учащимся», 2) «О военных судах», 3) «Суд над ростовскими демонстрантами» и 4) «К воспитанникам средне-учебн. завед.», — «Листок средне-учеб. Комитет.».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Киев. В последних числах сентября арестовано около 20 человек. Все арестованные посажены в Лукьяновскую тюрьму. Значительная часть арестованных — рабочие. Приводим фамилии некоторых интеллигентов: Карпов, ст.-пол. Вольский; ст. бр. Гальперины, инт. Михайлов etc. — Омск. Сидят в тюрьме: 1) Пригорный Гр. (инт.); 2) Дербышев Н. (ссыльный раб.); 3) Барашков (раб.); 4) Кочкин (раб.); 5) Александров (раб.); 6) Голубев (раб.); 7) Казак и 8) солдат, фам. неизв. Освобождены: 1) Чермак (завед. статист. бюро); 2) Баранов; 3) Заложная; 4) Лерман; 5) Рогорин; 6) Гранциевский; 7) Гольгин; 8) Попов. — Красноярск. Сидят в тюрьме: 1) Красиков (ссыльный); 2) Аркусская (ссыльная); 3) Данник (раб.); 4) Фролов (раб.); 5) Мюсюкевич (раб.); 6) Никитин; 7) Нейбург (учен. техн. уч.); 8) Байкалов (студ.); 9) Иоффе. Освобождены. 1) Красикова; 2) Иков; 3) Жариков; 4) Рябинин. Получил приговор: Фролов, раб. красноярск. ж.-д. маст., на 3 года Якут. обл. — Чита. Сидят в тюрьме: 1) Моисей Губельман; 2) Митрофанов (раб); 3) Федорович (раб.); 4) Вайнштейн Исай, отбывающий наказание по мес. делу (3 мес. тюремн. закл. и 1 год надз.). Предатели: 1) машинист Новаков выдал Битнера. 2) Астахов (конторщик VII уч. Сл. тяги Забайк. ж.-д.) донес на Моисея Губельмана.

Красноярск. В дополнение к сообщению об аресте типографии в Красноярске в ночь с 6 на 7 сентября приводим еще следующие подробности. В типографии арестованы Петр Миловидов, бывш. семинарист, и Мария Келлерман, фельдшерица. Отдельно от них арестованы в ту же ночь Александр Констант. Пайкес (ничего не найдено, выпущен через 3 дня), девица Вольфсон (ничего не найдено), Литкенс (ничего — осв. через 3 дня), Кусков (ничего), Иков (ничего), девица, фам. неиз. (ничего), Бродский, учен. техн. уч. (ничего), помощ. лесничего Ник. Ив. Семененко (найдено много литературы), жена его Сусанна Ник., брат его Александр Ив. (найдено несколько прокламаций), Козлов, иконописец, и Тюдешева, фельдшерица (ничего).

Александровская тюрьма (близ Иркутска). В настоящее время (сентябрь) здесь находятся в ожидании отправки, предстоящей не ранее ноября — декабря, следующие лица (полного списка мы еще не получили): Из Тифлиса: Курнатовский — 4 года Як. обл., Франчески — 4 г. Як. обл., Джибадзе — 3 г. Ирк. губ., Цабадзе — 3 г. Ирк. г., Церцвадзе — 3 г. Ирк. г., Гогуа — 3 г. Ирк. г., Чедрашвили — 3 г. Ирк. г., Теляковский (из Ростова) П. П. С. — 4 г. Ирк. г.; Из Одессы: Рузер — 4 г. Ирк. губ., Оржеровский — 5 лет Як. обл., Розенфельд — 6 лет Якутской обл., Гинцбург Абрам — до приговора в Як. обл., Ципкина (Бунд) — 3 г. Ирк. г., Иохельсон, зуб. вр., — 3 г. Ирк. г., Гольман (она) — 6 лет Як. обл., Конторович (муж и жена), Елиас, с.-р.,—3 г. Ирк. г., Дроздов (Москва)— 5 л. Як. обл., Захарова, Канцель Лидия, Цедербаум, Ройтенштерн Д., Константов, Изиоровский и др. Всего около 50 чел. Теперь пришла еще новая партия.

Некрологи. В августе в Ростове н/Д. умер К. А. Невзоров. Все, работавшие в костромском районе, хорошо его знали... Не кончив по независящим от него обстоятельствам костромскую духовную семинарию, он поехал на работу в деревню, был писарем в Костромской волости Галичского уезда, но был уволен за протест против принуждения крестьян подписываться на икону для поднесения земскому начальнику. В 1897 г. К. А. вернулся в Кострому и начал заниматься с кружком рабочих. Когда начал работать «Сев. Союз», К. А. принял энергичное участие в его работе. В 1901 г. К. А. был арестован, просидел 3 месяца в Костромской тюрьме и был выпущен под надзор полиции. В апреле и мае 1902 г. был разгром «Сев. Союза». Борьба была напряженная. Прокламации, об'являвшие о продолжении деятельности Союза, появлялись тотчас же после арестов, и многие из них были редактированы К. А. Он же собирал деньги после ареста кассы, поддерживал упавших духом товарищей и замышлял в случае, если жандармы будут продолжать неистовствовать, устроить уличную демонстрацию и разнести тюрьму.

В последнее время у К. А. быстро стала развиваться чахотка. На все свои просьбы — отпустить его на Кавказ лечиться он получал от жандармов отказ. Лишь перед самой смертью получил К. А. возможность поехать на юг, но было уже поздно: вдали от родины и товарищей он умер в Ростове-на-Дону.

Вместо жалких похоронных песен он слышал могучий гимн свободы поднявшегося юга, видел шедшие сражаться с самодержавием отряды организованных рабочих...

Мы, костромичи, не забудем его, не забудем, как:

> он совесть будил в нас, он звал на работу,
> он звал нас сплотиться тесней,
> и был ненавистен насилью и гнету
> язык его смелых речей...

С глубокой грустью прочел я известие о смерти Елизаветы Аркадьевны Кулдиной (рожд. Володиной). В лице этой новой жертвы проклятого самодержавия мы потеряли одного из тех незаметных тружеников, о которых мало говорят, но которые отдают всю свою жизнь дорогому им общему делу, не думая о подвигах, какие совершают. Зарабатывая средства существования нелегким трудом домашней швеи, Е. А. жила в рабочей среде Иваново-Вознесенска и много лет была деятельным членом местной социал-демократической организации и душою женского кружка, а появляясь потом много раз на допросах и в долгие месяцы тюремного заключения, могла служить примером стойкости и благородства. Но еще после первого ареста в 1898 г., когда ее без всяких улик продержали около 8 месяцев по разным тюрьмам, ее хрупкое здоровье было серьезно подорвано. Между тем в 1900 г. ее опять арестовывают и держат несколько месяцев, а затем выносят приговор — шесть мес. «Креста» — и тут же привлекают вновь по делу «Сев. Союза» и отправляют на четыре года в Вост. Сибирь. Очевидно, всеми этими мытарствами здоровье Е. А. было окончательно расшатано, и полная одушевления великим делом молодая жизнь угасла в далекой Сибири. Но память о Е. А. не угаснет среди товарищей и будет одушевлять наших работниц в их суровой и славной борьбе за свободу.

12 июля с. г. в Бессарабии скончалась от чахотки фельдшерица Нина Рабинович. Покойная, которой было всего 23 года, в продолжение нескольких лет самоотверженно и неустанно работала в южных городах и пала жертвою гнусного режима. Н. Рабинович отличалась цветущим здоровьем, но в 1901 г. она была арестована в Киеве по ничтожнейшему поводу, ее продержали несколько дней в сырой части, где она схватила воспаление легких; когда ее через девять недель выпустили, у нее уже был готовый туберкулез. Несмотря на это, она продолжала работать, пока окончательно не свалилась с ног. Н. Рабинович пользовалась всеобщей любовью и уважением.

Неумолимая смерть вырвала из рядов наших товарищей одного из борцов соц.-дем. Ал. Ив. Гусев, несмотря на

свой почти юношеский возраст, был одним из неутомимых и преданнейших деятелей нашей революционной социал-демократии и до последних дней своей жизни работал на пользу революционного рабочего движения. Вот краткие сведения из его жизни. Происходя из богатой купеческой семьи в Сибири, А. И. еще в годы ученичества находился под влиянием окружающей его среды политических ссыльных, и к концу пребывания в реальном учил. у него уже создалось сильное революционное настроение, хотя без определенного характера, как и у всякого юноши-гимназиста. По поступлении в 1898 г. в Киевский политехнический институт, это неопределенное настроение стало быстро заменяться вполне определенным, сознательным стремлением примкнуть к социал-демократическому движению. С этой целью он вскоре после того вступил в одну из местных соц.-дем. групп и затем стал заниматься пропагандой в кружках рабочих. Но недолго длилась эта первая работа. В феврале 1899 г., во время общестуденческих волнений, он был арестован вместе со многими, причем была обнаружена его революционная деятельность вне студенчества. Просидев 4 месяца, он был отдан под надзор полиции в Твери до марта 1901 года. Немедленно по приезде в этот город, он вновь берется за прерванную работу. В совсем глухом в то время городе, без организации, без революционных связей, он тотчас принимается за установление сношений с рабочими, заводит с ними знакомство, и дело завязывается и постепенно начинает развиваться; но едва успел он окончить срок своего надзора, как его вновь арестовывают в марте 1901 г. по обвинению в принадлежности к Московскому Комитету нашей Партии. Наступает снова перерыв и уже на более долгое время. Наконец, через год он вновь на свободе, снова в той же Твери, снова за работой... На этот раз дело идет шире и успешнее. А. И. вместе с некоторыми товарищами удается создать более прочную организацию, которая вскоре превращается в Комитет Партии. Явившись, таким образом, одним из основателей его и деятельно работая в нем, он в то же время успевает регулярно снабжать «Искру» корреспонденциями, отчетами и проч. И чем дальше, тем шире развивается дело. Комитет заводит связи в деревнях, распространяет там литературу, вызывает даже крестьянские демонстрации... Рассвирепевшая благодаря всему этому местная жандармерия делает, наконец, ночной набег, производит наугад массовые обыски и аресты... На одном из этих обысков случайно попадается жандармам Ал. Ив. и почти в самый момент ареста, благодаря своей находчивости, вырывается из лап жандармов и немедленно переправляется через границу, вполне благополучно, полный жизни и жажды деятельности и борьбы, прибывает в Женеву, чтобы, пожив немного здесь, опять вернуться в Россию, опять взяться за дело... Да, опять вернуться... Но этому не суждено было сбыться! Менее чем через сутки по приезде он заболел, слег, и на четвертый день его уже не стало... Так еще совсем юный, лишь на 23-м году жизни, сошел он в могилу.

Прощай же, честный, преданный товарищ! Дело, от которого безжалостно оторвала тебя смерть, будет расти, крепнуть, пока окончательно не восторжествует.

Проводить покойного до могилы собралось много народу из русской эмигрантской и студенческой колоний. На гроб был возложен венок с красной лентой с надписью: «Дорогому товарищу от Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Б. Ш. Просим дать адрес для ответа. — Сигарычу, — Сарре. Корресп. и письмо получены. — Пете. Письмо получено, но неразобрано. — Сталь. Все получено, спасибо. — Отменяются адреса: № 42, № 43 и № 8.

Получено: 40 р. — «долг Сергееву», от друга А. — 400 фр., от харьковской группы учащейся молодежи — 50 фр., от Астраханского Комитета — 300 р., от помещицы — 200 р., от М. — 600 р., из Гиссена — 20+10 мар. (сообщите адрес); от мечтателя из Москвы — 65.88 фр. (адреса не имеем); из Г. — 246,29 фр.; от льежского студента — 3 фр.; от П. — 2 р.; от W. — 1 р.; от «сдержавшего слово» — 50 кр.; из Л. — 98,51 фр.; «от Деферментова на предмет Его Величеству известный» — 70 р.; из Вены: за литературу — 18 кр.; «от Дальнего» через Г. — 6 кр.; из Берна получено в октябре: на «Искру» от В-д-ы — 100 фр.; от екатеринославки на «Искру» — 22 фр., от старых и молодых из Вост. Сибири — 24 фр.; за литературу — 62,50 фр.

Отчет о других пожертвованиях откладывается до след. номера.

Следующий номер «Искры» выйдет, вследствие обилия материала, через неделю, 22 октября.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Еврейский погром в Кишиневе — см. о нем в № 39 «Искры» ст. Г. Плеханова «Кишиневские события».

Прим. 2. О погроме в Гомеле — см. в № 48 «Искры» корресподенцию «Еврейский погром в Гомеле».

Прим. 3. «Последние Известия» — см. прим. 1-е к № 39 «Искры».

Прим. 4. Протестуя против наказания студента Боголюбова розгами, В. И. Засулич в 1878 году стреляла в петербургского градоначальника Трепова и тяжело ранила его. Судом присяжных Засулич была оправдана.

Прим. 5. «Народное Дело» — см. прим. 1-е к № 27 «Искры».

Прим. 6. Гамбетта Леон (1838 — 1882) — знаменитый французский буржуазный политический деятель. На политическое поприще выдвинулся речью (1868 г.) в защиту Делеклюза, будущего вождя Коммуны. Позже депутат от Марселя в Законодательный корпус, где он примкнул к крайней левой и вскоре сделался ее вождем, выработав программу республиканцев. Радикал в начале своей политической деятельности, Г. с течением времени начал все больше склоняться к консерватизму. Будучи президентом палаты (избран в 1879 году) и обладая неограниченным влиянием на ход внутренней и внешней политики Франции, он слишком далеко ушел по пути уступок консервативным буржуазным партиям, и популярность его начала быстро падать. После ряда неудачных выступлений, как во внутренней, так и во внешней политике, Г., удалившись к себе на родину, в Кагор, заболел от случайной раны и умер.

Прим. 7. Вальдек-Руссо (1846—1904) — французский политический деятель, один из самых дальновидных социал-консерваторов, стремившийся обезоружить рабочий класс поверхностными реформами и формальными уступками. Избранный в 1879 г. депутатом, высказался за «все» свободы, но против всякого нападения на существующие учреждения. Вся его последующая деятельность основывалась на принципе: «ни реакция, ни революция». В 1899 году, составив, по предложению президента Эмиля Лубэ, т. н., «министерство республиканской защиты», Вальдек-Руссо «усмирил» реакцию руками палача Коммуны маркиза Галиффе

и в то же время нанес серьезный удар рабочему движению, пригласив в свой кабинет известного социал-реформиста Мильерана. Такую же политику лавирования в интересах буржуазного консерватизма он проводил и в ликвидации «дела Дрейфуса»: предоставив военной клике вторично осудить невинного офицера, он устроил одновременно его помилование.

Прим. 8. Гарденин (В Чернов), Левицкий и Брешковская («бабушка русской революции») — лидеры партии соц.-рев.

Прим. 9. «Заря» — см. прим. 4-е к № 2 «Искры».

Прим. 10. Орг. Ком. — см. о нем «Искру» № 32.

Прим. 11. Славянофилы — см. прим. 4-е к № 28 «Искры».

Прим. 12. Дрошакисты — дашнакисты или дашнаки — члены армянской национальной партии «Дашнакцутюн». Последняя образовалась в начале 90-х годов в Турецкой Армении и постепенно распространяла свою деятельность на русскую и персидскую Армению. Вся деятельность ее была направлена на борьбу за национальное освобождение, идея которого облеклась у нее в форму стремления к об'единению всех частей Армении в одно независимое государство. В основу ее программы был положен федеративный принцип. Будучи по существу буржуазной национал-демократической партией, она об'единяла в своих рядах широкие слои интеллигенции, и значительную часть буржуазии и крестьян, те рабочие элементы, которые не сознали еще необходимости определенной классовой политики, и люмпенпролетарские элементы. Партия была построена на федеративных началах. Она делилась на части: турецкую, закавказскую, персидскую и европейскую, во главе которых стояли особые руководящие бюро. Партия имела Заграничное Бюро, издававшее в Женеве центральный орган — «Дрошак» («Знамя»). На Кавказе Дашнакцутюн издавала ежедневную газету и имела периодические издания на Юге России, на Балк. полуострове и в Америке.

Прим. 13. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 14. Идея организации Соц.-Демокр. Союза Горно-Заводских Рабочих — зародилась зимой 1901 — 1902 гг. на с'езде южных с.-д. комитетов. Необходимость требовала, в целях единства руководства, пренебречь существующими административными границами и об'единить в партийном отношении разбросанный по трем губерниям Донбасс. Донецкий Комитет, как ближе стоявший в этот период к работе в Донбассе, взял на себя инициативу об'единения и в январе 1902 года постановил организовать «Социал-Демократический Союз Горно-Заводских Рабочих», назначив персональных выполнителей этого решения. В марте 1902 г. союз вошел в сношения с некоторыми комитетами Р. С.-Д. Р. П., а в июне организаторы сообщили о возникновении союза «Искре». Во главе союза стоял комитет, выполнявший литературную и техническую работу. Его исполнительным органом был «Летучий отряд», члены которого являлись агентами комитета для связи с местными группами и для распространения литературы. Безоговорочно признав в марте 1903 г. инициативу и устав О. К. по созыву II с'езда, союз 18 апреля 1903 г. в своем обращении «Ко всем российским с.-д. организациям» публично заявил о своем присоединении к «Искре».

Прим. 15. «Avanti» — см. прим. 27-е к № 48 «Искры».

Прим. 16. «СПБ Ведомости» — см. прим. 6-е к № 28 «Искры».

Прим. 17. «Французская Рабочая Партия» (гэдисты)—образовалась в результате раскола «Социалистической Рабочей Партии» (1879 г.). Непосредственным поводом для раскола послужили разногласия по вопросу о применимости партийной программы-минимум, как избирательной платформы во время парламентских выборов, ко всем областям Франции. Исходя из неудачи выборов 1881 г., оппортунистическая часть партии, во главе с Полем Бруссом, требовала отмены единой избирательной программы и предоставления права местным комитетам вырабатывать свои собственные избирательные программы. На конгрессе в Сент-Этьене (1882 г.) эта точка зрения получила большинство. Оставшиеся в меньшинстве сторонники единой избирательной программы для всей Франции, во главе с Жюлем Гэдом, удалились с конгресса и организовали свой собственный конгресс в Руане. Реформистское большинство партии, оставшееся на конгрессе в С.-Этьене, получило название «Федерации социалистических рабочих Франции» (так называемые «поссибилисты» — равнозначуще русскому термину «постепеновцы»); сторонники Гэда образовали «Французскую Рабочую Партию». В 1904 г. на Амстердамском конгрессе были намечены вехи об'единения обеих партий.

Прим. 18. «Социально-Революционная Партия» («бланкисты») — издавна существовавшая во Франции социалистическая группа, названная по имени своего идейного вождя О. Бланки. Бланкисты были убеждены, что маленькая, хорошо организованная кучка заговорщиков может в подходящий момент произвести революционный переворот, заставить пойти за собой народные массы и создать таким образом «победоносную революцию». В своих революционных планах они не считались с экономическим развитием и не стремились опереться на широкие рабочие массы. С течением времени заговорщицкий элемент из этой партии исчез, и члены ее стали стремиться к организации наиболее активных и воинственных элементов среди рабочих, чем была подготовлена почва для сближения между бланкистами и гэдистами (см. прим. 21).

Прим. 19. «Аллеманисты» — так называлась, по имени своего руководителя рабочего типографа Жана Аллемана, «Социально-революционная рабочая партия», отколовшаяся от «Федерации социалистических рабочих Франции». Свой первый учредительный конгресс партия созвала в июне 1891 г. Выступая и против гэдистов и против поссибилистов, аллеманисты главное внимание обращали не на избирательную борьбу и деятельность в парламенте, а на захват в свои руки муниципалитетов и превращение их в опорные пункты для социалистического преобразования общества. Придавая непомерно большое значение профессиональному об'единению рабочих (синдикатам) и методам профессиональной борьбы (всеобщая стачка), аллеманисты в этом вопросе сближались с анархосиндикалистами. Значительным влиянием в рабочем движении аллеманисты не пользовались.

Прим. 20. Конгресс жоресистов в Бордо — см. «Искру» № 38, «С'езд жоресистов в Бордо».

Прим. 21. «Социалистическая Партия Франции» — образовалась из слияния гэдистов и бланкистов, ушедших с Лионского конгресса 1901 г. после отклонения последним предложения об исключении из партии Мильерана. Организация этой партии окончательно была закреплена на Реймском конгрессе в 1902 г., о котором и идет здесь речь.

Прим. 22. «Рабочая Воля» — соц.-демократическая организация, существовавшая в Одессе. По сообщению одного из членов этой организации А. Фабричного, она об'единяла всего несколько десятков рабочих (были в ней и ремесленники), интеллигентов в момент возникновения «Р. В.» и в начале ее деятельности в ее составе не было. Отличительной чертой ее было резко отрицательное отношение к централизму, что ставило ее в ряды анти-искровцев. «Р. В.» имела свой руководящий центр, называвшийся «агитационным собранием», и пропагандистский кружок для актива, так называемую «Дискуссию». Она имела свой печатный станок и выпустила несколько воззваний. Изменению ее организационных принципов способствовала всеобщая июльская забастовка, после которой она и выпустила манифест о присоединении к «Искре». По словам Фабричного, манифест написан им.

Прим. 23. «Независимцы» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 24. «Кавказский С.-Д. Союз» — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».